

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Мадам
Осень

Инна Юрьевна Бачинская
Мадам Осень
Серия «Бюро случайных
находок», книга 5
Серия «Детектив сильных страстей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23567378

Бачинская, Инна Юрьевна. Мадам Осень : [роман] : Издательство «Э»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-699-95774-3

Аннотация

Бармен Эрик про себя называл эту утонченную, интеллигентную женщину средних лет Мадам Осень. Он был немало удивлен, когда она ответила согласием на предложение какого-то незнакомца отправиться к нему в гостиницу. А через день в номере был обнаружен его труп – мужчину закололи ножницами... Как выяснилось, такой способ убийства фигурировал в недавно изданном романе известного автора детективов Кирилла Сунгура. Что это, совпадение или закономерность? Сыщик-любитель Олег Монахов, заинтересовавшийся этим делом, выяснил, что в жизни писателя далеко не все гладко – молодая красавица-жена ему

открыто изменяет, а сын презирает отца. И, как оказалось, это уже не первое преступление в городе, повторяющее сюжет книги Сунгура...

Содержание

Мадам Осень	6
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	79
Глава 8	90
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Инна Бачинская

Мадам Осень

*К тому ведется:
Что отдаете, то и вернется.
То, что посеешь – то и пожнешь,
Ложью пробьется ваша же ложь.
Каждый поступок имеет значение;
Только прощая, получишь прощенье.
Вы отдаете – вам отдают,
Вы предаете – вас предают,
Вы обижаете – вас обижают,
Вы уважаете – вас уважают...
Жизнь – бумеранг...*

Олег Гаврилюк. Жизнь – бумеранг

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

© Бачинская И.Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Мадам Осень

Пролог

...Мужчина отпер дверь и посторонился, пропуская гостью. Та вошла, встала посреди прихожей; вздрогнула, поймав свое отражение в высоком зеркале: настороженные глаза, каштановые волосы до плеч, длинное синее платье, сверкающие камешки в ушах, нитка жемчуга на шее. Круглая шляпка из блестящей материи.

– Будь как дома, – сказал мужчина. – Раздевайся! Слышь, как тебя зовут? Александра? А я – Николай! Будем знакомы. Очень приятно. А то, смотри, сидит одна, пьет сок, скучает! Расслабься, чего ты? Садись! Я сейчас пошарюсь в серванте, вроде коньячок где-то был. Ох, и навернем сейчас! А ты часто там бываешь? Никогда тебя раньше не видел...

* * *

...Поздно. За стойкой уютного полупустого бара четверо. Двое старых приятелей, уже изрядно принявших и громогласных, хлопают друг друга по плечу: «А помнишь? А помнишь, как ты? А они! А ты опять!» И радостное ржание.

Одинокая женщина средних лет в открытом черном платье, с сигаретой в тонких пальцах; в ушах поблескивают камешки... настоящие, как определил опытный бармен Эрик Гунн, тонкий и длинный молодой человек в белой рубашке и черной бабочке. Задумчиво сузив глаза, она созерцает сизую струйку, штопором тянущуюся к потолку; перед ней низкий бокал-тюльпан с коньяком; она затягивается, выпускает дым, берет бокал нарочито неторопливым движением – длинные лиловые ногти стучаются о стекло, – отпивает чуть, ставит на место, задумчиво созерцает сизую струйку. Она как будто повторяет некий ритуал: затяжка, дым, протянула руку и взяла бокал, цокнула ногтем, глоток коньяку, неслышно поставила на стойку, убрала руку, потусторонний созерцающий взгляд. Она сидит удивительно ровно, движения ее тщательны и скупы, она напоминает куклу-автомат.

Эрик мельком поглядывает в ее сторону, прикидывая, хватит с нее или можно добавить. Решил, что до кондиции можно добавить слегонца, а потом вызвать такси и попросить стюарда Рому помочь ей сползти с высокого табурета, бережно проводить к машине и назвать адрес водителю. Она хорошая клиентка, не жадная, не скандальная, не стреляет бессовестным взглядом, больше молчит, не пристаёт с вопросами – курит, пьет и думает о чем-то... а может, ни о чем. Иногда ему кажется, что она даже не осознает, где находится, и не узнает его, Эрика. Иногда ему кажется, что она не в себе, слегка ку-ку, и он поглядывает на нее, спрашивая себя, что

«варится» в ее голове и что значит сосредоточенный взгляд «в себя», полное молчание и вообще, зачем она здесь – принять можно и дома в более комфортных условиях. Возможно, ей нужна компания, думал Эрик, эффект присутствия, не хочется сидеть дома одной, а телевизор надоел. Он пытался разговаривать с ней или познакомиться с кем-нибудь... есть такие дамочки, которые ищут знакомств, но она смотрела на него бессмысленным взглядом внезапно разбуженного человека, и он отступился. Видно, что тетка не бедная, следит за собой, одинокая... Такая одинокая, что скулы сводит! Потому и сидит здесь, чтобы хоть какие-то голоса, смех и живые люди, музыка... какая-никакая бормочет едва слышно, джаз в основном, а не склеп собственной квартиры... в шикарном доме, надо заметить, – Вовик, водитель, рассказывал. И коньячок элитный. А может, обожглась и поставила крест.

Эрик прозвал ее Мадам Осень... Эрик был романтиком, воспитанным на старом французском кино и старых шлягерах. Или Мадам. Или просто Осень.

Был и четвертый, чужак, здоровенный краснорожий мужик. Эрик раньше его не видел, похоже, случайно забрел, возможно, приезжий. Этот пил вискарь. Допив, выбрасывал указательный палец, требуя еще. После третьего стакана подсел к Мадам, уставился в упор, ухмыльнулся. Эрик повел взглядом, кивнул Сереже, секьюрити, давая понять, что, возможно, придется вмешаться. Сережа подошел ближе.

– Даме повторить! – приказал краснорожий. – Дима! – Он

протянул руку.

Мадам Осень, помедлив, протянула в ответ свою. Он тряхнул ее руку, чокнулся и залпом выпил. Крякнул, взглянул шальными глазами:

– Давай, давай! До дна!

Она выпила.

– Тебя как зовут? – Он положил руку на ее колено. Эрик напрягся.

– Софья. – Она смотрела на него внимательно, без улыбки, словно ждала каких-то особенных слов.

Эрик подумал, что она соврала.

– Софья? – обрадовался мужик. – Сонечка, значит. А я Дима. Будем знакомы!

Он снова полез жать ей руку; тряхнул, поднес к губам, поцеловал. Она улыбнулась. Эрик удивился – уж очень они были разными... все было разное, статус, уровень... «конь и трепетная лань». Вот и пойми их после этого. «Они» – женщины.

А тот уже нес что-то об их красивом городе... приехал на пару дней... в гостинице... один, аж непривычно, любит, чтобы люди вокруг, потому как человек компанейский... а она красивая женщина, порода чувствуется...

– Может, посидим у меня? – спросил. – Поговорим, познакомимся... поближе. – Он блудливо ухмыльнулся.

Мадам Осень кивнула, к изумлению Эрика. Мужик поднялся, помог ей встать, бросил на стойку несколько бумажек.

Подмигнул:

– Привет, шеф!

Они ушли. Эрик проводил их взглядом...

Глава 1

Семья за завтраком

*Тут нарисована жена
ее глядеть мое призванье...
В зеленой кофточке стоит
подобно мудрой жене
держит стальное перо
заложив пальцем книгу.*

Даниил Хармс

Хозяин дома, высокий худощавый мужчина с седой головой, в «серебристом» возрасте, когда больше думают о душе, чем о теле... то есть предполагается, что думают, наряженный в клетчатый фартук, крутится по кухне, расставляет тарелки, чашки, сует в тостер хлеб. Первой появляется из своей спальни дочь Лара, высокая, бледная, бесцветная молодая женщина с волосами, собранными в конский хвост; в джинсах и черной футболке.

– Привет, папочка! – Она прижимается головой к плечу отца, тот целует ее в лоб.

– Как спала, девочка?

– Хорошо. А ты?

– Прекрасно. Просидел за компьютером до трех, дописал главу и с чистой совестью отправился спать.

– Кого убил?

– Никого пока, в процессе. Сначала антураж, потом убийства. Нужно дать читателю все карты в руки, пусть попробует вычислить, кто есть кто. Ты сегодня с утра?

– С утра. Мама дома?

– Еще не вставала. Юрик в ванной. Что тебе? Мюсли или бутерброд?

– Только кофе! Утром не хочется.

– Хоть чуть-чуть, Ларочка! По-моему, ты похудела, совсем прозрачная стала. Может, влюбилась?

– Не влюбилась. Не в кого, папочка.

– Может, оладушек? С клубничным джемом?

Лара рассмеялась.

– Упаси бог! – Она налила себе кофе.

– Сахар? – Отец подтолкнул к ней сахарницу.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Спасибо, я без.

– Может, пообедаем сегодня?

– С удовольствием! Можно в «Детинце», в час.

– Подкинуть на булавки?

– Не надо, папочка. У меня есть. Спасибо.

– Всем привет! – Молодой человек с мокрыми волосами и румяным лицом появился на пороге. – А мне кофе? Ларка, ты чего смурная? Кошмары замучили?

– В нашей семье один кошмар на всех, – сказала Лара. – Не будем показывать пальцем.

– Я не кошмар, я тут единственный нормальный, – заявил

молодой человек. – Маман вечно в командировках и публичная... э-э-э... особа, отец весь в своих убийствах, только и думает, как бы замочить побольше народу, ты, Ларка... ты бы хоть иногда смотрелась в зеркало! Выскочишь из-за угла – кондратий хватит.

– Садись, сынок, ешь, – сказал седоголовый мужчина. – И помни, жевать нужно молча, а то случится несварение желудка, а там и до язвы недалеко. Мюсли? Тост?

– И мюсли, и тост... а где варенье?

– Сытое брюхо к учению глухо, – заметила Лара.

– Мое не глухо, будь спок. А вот ты, девушка, по виду так просто академик, одни кости, и не красишься. А тебе ведь замуж выходить. Кто тебя возьмет с такой постной физией?

– Юра, ешь! – прикрикнул отец.

– А чего, я за правду. Ты приводил издательского айтишника, знакомил, поил, кормил, а он, скотина, не польстился. А одноклассник Жора, придурок придурком, а ведь сбежал! Никто не повелся.

– Не надоело? – резко сказала Лара. – Сколько можно? Что ты вообще обо мне знаешь? Ты, неуч! Если бы не мама, ты бы вылетел из бursы вперед ногами!

– Дети, перестаньте!

– Ой, что там о тебе знать? Тайна, блин! На тебя достаточно посмотреть и все про тебя ясно.

– Юра!

– Что – Юра! От нее же скулы сводит... серая мышь! По-

смотри на нее! Она не живет, она существует. Ни шмоток приличных, ни друзей... зато красный диплом. На фиг кому твой красный диплом?! Сейчас в библиотеку с улицы берут, до смерти рады, потому что работать некому. Кто сейчас туда ходит... одни пенсы и бомжи, вчерашний день. Ты сама вчерашний день, целочка ты наша. Мать пыталась пристроить в редакцию...

– Не твое дело! – закричала Лара, бросая на стол салфетку. – Ты, ничтожество! Только и можешь деньги тянуть с родителей и шляться по кабакам! Ты когда домой явился? В три?

– Завидно? – фыркнул брат.

– Лара! – прикрикнул отец. – Перестань.

– Пусть говорит. Вообще, тебе хахаль нужен, Ларка, у тебя на роже написано, что тебя надо трахнуть!

– Скотина! – Лара вскочила и выбежала из кухни.

– Тебе обязательно портить нам настроение с утра?

– А я чего... я за правду. Ей мужик нужен, может, и характер получше станет. Ей же слова нельзя сказать... так и кидается. Чисто тигра. Ты же сам понимаешь... Хотя, – Юра отхлебнул из чашки, – это она после твоих книжек с принцессами. Их уже нет, повывелись как класс, остались одни стервы. Оглянись вокруг! Разве что в твоих книжках.

Сын жевал, увлеченно говорил, нес что-то совсем уж запредельное, и Сунгур уже в который раз подумал с сожалением, что сын с каждым днем становится хамовитее и наг-

лее. Сунгур Кирилл Вениаминович – так его звали – был писателем. Сначала журналистом, много лет назад, а потом стал писателем. На волне перестройки написал книгу о мафии, за ней последовал ряд острых публикаций, он прославился, был любим народом и нарасхват. Народ, охая и ахая, жадно внимал чернухе, занимал очередь за свежим номером газеты, вопрос «а вы читали?», задаваемый шепотом, с горящими глазами, звучал чаще, чем приветствие. Публичные выступления, зарубежные поездки, семинары молодых журналистов... дни былой славы. Потом наступило время, когда разоблачениями и чернухой уже никого нельзя было удивить, все как-то сразу устало, хлеб насущный стал даваться с трудом – не до того стало, и звезда его постепенно закатилась... постепенно и сразу. Звездным мигмом, апогеем, стала женитьба на ослепительной красавице, выпускнице журфака, которой он покровительствовал. Разница в возрасте почти не сказывалась... молоденькие женщины любят успешных, популярных, убеленных сединами – поначалу, пока не войдут в силу. А когда войдут, начинают понимать, что Акела – старый беззубый волк, который промахивается чаще, чем попадает в цель, а вокруг полно молодых и сильных волков. Наступило время хищников. Он был хорошим мужем... так ему казалось. Любил приемную дочку Ларочку... у молодой жены было приданое – двухлетняя малышка, брошенная на бабушку, к которой жена была вполне равнодушна. Потом родился долгожданный сын Юрий. Потом начались

проблемы. Он стал пасовать перед ней, а она, сильная, жестокая, смелая, шла по головам... Автор хотел сказать «по трупам»: она шла по трупам, фигурально выражаясь, разумеется, но не посмел – уж очень образ идущего по трупам... не того-с. Не наш случай. Она была прекрасной журналисткой и бойцом, бесстрашно лезла в такие дыры, куда опытные «гиены пера» соваться не решались. Ее даже пытались взорвать, пару лет назад заложили какую-то дрянь в машину... к счастью, неудачно и никто не пострадал, а вокруг нее воссиял ореол мученицы, этакой Жанны д'Арк, воина света. Она перехватила мужнину эстафету, и чем меньше говорили о нем, тем больше знали ее – Алену Сунгур. А он стал писать детективы... мужские, где было много оружия, стрельбы, камуфляжа и трупов, настоящей мужской работы и мужского пота, а женщины были беспомощными и слабыми – такими он их видел или представлял себе, или по которым тосковал, как многие не особенно уверенные в себе мужчины. Свой взлет со временем он воспринимал скорее как случайность, так как не был человеком публичным, а падение – закономерным. Мои года – мое богатство... спорное утверждение. Самыми счастливыми часами его жизни были ночные часы у компьютера, когда он сочинял приключения частного детектива Александра Волкова, наделяя его своим характером, своими мыслями и воззрениями, а также добавляя то, чем никогда не обладал, но тайно восхищался: кулаки, дерзкую силу, готовность сцепиться в драке за правое дело против

сильных мира; а еще у героя были высокие скулы, стальной взгляд серых глаз, желваки, упрямый подбородок и короткая военная стрижка; а еще был он небогат, часто дрался, как уже упоминалось, в результате чего был украшен боевыми шрамами; а женщины его были нежными и слабыми, как снова-таки упоминалось ранее, и с ними постоянно что-нибудь случалось, знаете, как это бывает – метили в героя, а пострадала невинная жертва. Подруги Александра Волкова... кстати, прозвище ему было, разумеется, Одинокий Волк, погибали с завидным постоянством, если позволительно так выразиться, ибо весь опыт литературы подобного жанра говорит о том, что частный детектив или агент под номером ноль-ноль с чем-то там должен быть одиноким... профессия предполагает одиночество, так как не должно быть у него слабых мест. А женщина, семья, дети – это страх и слабость. Имея на руках семью, дважды подумаешь, лезть в пекло или ну его, всех не спасешь, а жизнь одна. На то он и Одинокий Волк, что одинок, извините за тавтологию. Одинокий Одинокий Волк. И читательницам приятно. Подруги его были списаны с Лары, которой он пытался найти хорошего парня, но, увы. Они были добры, скромны, не бегали по танцуйкам и ресторанам, одним словом, были из тех, кто утешит, погладит по голове, накормит, снимет сапоги, – женщинами воина. И вообще, сидит дома и ждет. Хранительницами очага. Но это понимаешь в «серебристом» возрасте, когда и зубов поменьше, и когти поистерлись, да и то лишь по одной-единствен-

ной причине – сил поймать молодую волчицу уже нет. А молодой волк хочет сильную подругу, и наплевать ему, что красотки-волчицы неверны, коварны и жестоки, и уж разумеется, не будут вытирать нос и кормить с ложечки... в случае чего. Любовь или сексуальное партнерство – часто драка за влияние, перетягивание каната, кто кого, гипертрофированное чувство собственности, равноправием тут и не пахнет, а если и существует, то скорее всего это равнодушие или расчет: хочешь в лидеры? Да ради бога! Флаг в руки. Ты лидер, ты кормилец, ты самый-рассамый! Правда, иногда склоняют голову с готовностью и радостью, принимая безоговорочно лидерство партнера... бывает и так.

– Какие-то кислые бабы у твоего Волчары, – говорил Юрий, который книги отца не читал... так, просматривал иногда от нечего делать, чтобы поиздеваться. – Драйва нет... да я бы на его месте менял их каждый день! Нехилый лоб, с пушкой, дерется будь здоров, кулаки – во! – а от его баб с души воротит. Зануды, ни рыба ни мясо... это даже хорошо, что их то пристрелят, то взорвут... даже приятно.

У Юрия были совершенно другие подруги, такие же нахальные, глупые и безбашенные, как он сам, и книг Сунгура они тоже не читали. Молодое поколение сегодня книг не читает – некогда: Интернет, переписка, селфи, секс... просто удивительно, что технологическая революция произошла буквально за несколько лет, буквально на глазах и стала окончательным водоразделом между отцами и детьми. Тех-

ногенная революция-катастрофа, называет ее Сунгур. Он еще любит повторять, что его поколение было последним читающим поколением. Книги его читают, свой круг читателей-почитателей у него есть – Сунгур иногда заглядывает на литературные форумы посмотреть, что про него написали. Он относит себя к писателям крутого детективного жанра, но без сцен излишнего насилия и кровожадности, в его книгах присутствуют рассуждения о жизни и смыслах, непонятности и горечи одиночества. Читательницам, как правило, нравится: Одинокий Волк – настоящий мужчина, таких уже не осталось, последний романтик, защитник, надежда и опора, читаешь, и сердце замирает, так и хочется сказать: да не лезь ты туда, дурачок, там же засада, не верь этой... заложит, а твой дружок давно продал тебя с потрохами, и за тобой уже охотятся. Мужчины же ироничны и недовольны. Мужчины фыркают и острят: и сюжет отстой, они бы замутили намного круче, и описание батальных сцен не в дугу, опять отстой, автор в этом ни уха ни рыла, а любовь... тьфу! Одинокий Волк – хищник, автор же заставляет его жрать траву, а где секс? Где, спрашивается, мощный зубодробительный опасный для жизни секс, от которого темнеет в глазах и звенит в ушах? С шикарными яркими стервами в автомобиле на скорости под триста по извилистой горной дороге... иначе на хрен вообще писать детективы?

Сунгур дает себе слово не заглядывать и не читать, но рука так и тянется к пистолету... в смысле, к читательским от-

кликам, вокс попули вокс деи, так сказать. Обратная связь называется... а как же? И получает дозу... как бы это поточнее? Если поточнее, ушат холодной воды, цветы, благодарности и плевки. И что примечательно, неприятие ранит и не забывается, и добрые слова приятны, но они как плеть, которой не перешибить обуха.

Из семьи писателя одна Лара читает его книги, они даже обсуждают сюжеты, и Лара, бывает, подсказывает идейку-другую. Жена Алена... Алена книги мужа не читает, полагая его писания не творчеством, а хобби; для нее же существует только журналистика – здесь и сейчас! Сорвать завесу, заорать на весь мир «держи вора», взять интервью у первого лица в городе и спросить... просто вмазать: на какие шиши вилла и автомобильный парк. Или у личности из преступного мира, прячущей лицо за маской. Бывало и такое. Она звезда популярного интернет-издания под неприятительным названием «Обълом» – с твердым знаком в центре, который там ни к селу ни к городу с точки зрения Сунгура – как седло на корове. И главное, все сходит с рук. Сунгур только ежится, просматривая ее материалы, испытывая восхищение и, пожалуй, зависть, особенно ясно понимая, что его поезд, пожалуй, ушел, и придуманный и надуманный Одинокий Волк – все, что ему осталось. Понимая скорее как реалист, чем с горечью. И еще понимая, что удержать жену в случае чего ему нечем. Тем более спят они давно в отдельных спальнях, и между ними отношения скорее умеренно

приятельские, чем супружеские. Он подтрунивает, она отвечает, вместе принимают гостей в дни рождения и на Новый год, приличия соблюдаются, до драк не доходит. В нем мудрость, в ней полное отсутствие интереса и своя жизнь. И оба делают вид, что так и надо. Делают вид... правила игры такие в их супружеской жизни сегодня.

– Отец, подкинь от щедрот, – говорит сын, и Сунгур вздрагивает. Юрий смотрит, улыбаясь, уже в дверях, уже на ходу. – У Мухи день рождения.

Муха – подруга Юрия, сиюминутная. Сунгур называет ее Муха на лабутенах. Выкрашена, полугола, с надутыми губами, с ногтями-ножницами, как у этого... из фильма, так и шелкают. Абсолютно замечательный сленг – Сунгур пытается запомнить ее *отпадные* словечки, потому что такое за просто не выдумаешь, а потом вставить в роман. Глупа и невежественна. Но все это вкупе составляет такой восхитительный букет свежести, юности и наивности – от нее даже пахнет свежескошенной травой, – что пробивает на вздох: эх, где, черт побери, мои восемнадцать, двадцать пять, сорок... и так далее, и даже вышибает умозрительную слезу. Мы были не такие, думает с сожалением Сунгур, и непонятно, о чем сожалеет: то ли о том, что эти раскованнее и свободнее, чем они в свое время, то ли о том, что невежественны и глупы, и кто, спрашивается, будет строить эту жизнь дальше? Кто подставит под нее надежное плечо?

Он достает из буфета заначку, отсчитывает несколько ку-

пор, протягивает сыну.

– Когда вернешься? – спрашивает.

Сын пожимает плечами, ухмыляется и исчезает. Через минуту оглушительно хлопает входная дверь. Даже не сказал спасибо, паршивец.

Сунгур наблюдает в окно, как сын вприпрыжку пересекает двор и исчезает. До завтра, скорее всего. Через полчаса уйдет Лара. Потом спустится Алена. Она вернулась в два, он еще сидел за компьютером. Не заглядывая к мужу, ушла к себе. Он слышал, как она ходит наверху, принимает душ...

Что, по-вашему, должен сделать муж, чья жена явилась в два ночи? Это зависит от того, кто в доме хозяин...

– Папочка, я улетаю! – Лара целует отца. – В час встречаемся, не забудь.

– Хорошего дня, девочка! – Он прижимает ее к себе. – Осторожнее переходи улицу. До встречи.

И Лара улетаёт. А Сунгур думает, что дочке действительно надо бы поярче одеваться, что ли... и подкраситься не мешает, и стрижку или причёску тоже вместо школьного хвостика на затылке. Прав Юрий. О матери дочь не спросила...

В их семье определились два лагеря, как, возможно, уже понял читатель, не то чтобы враждующих, а, скажем, противоположных по содержанию. Один – Сунгур и Лара, мягкая оппозиция, выражаясь политическим сленгом, другой – партия жестких прагматиков, Алена и Юрий. Алена обожает сына, они одной крови; она не замечает ни его хамства, ни лени

– мужчина должен перебеситься. Сунгур иногда думает, что приемная дочка ему ближе, чем родной сын, и взаимопонимание у них полное. А вот с матерью у нее отношения натянутые, Лара раздражает Алenu своей... безликостью, как она это называет. Монашка, говорит Алена. Даже то, что Лара закончила литфак с красным дипломом, служит поводом для насмешек: зубрилка, которой все равно, что зубрить. Чем интереснее личность, тем хуже она училась в школе, любит повторять Алена. В итоге из двоечников получаются успешные менеджеры, банкиры и генералы, а отличники превращаются в офисный планктон с копеечным содержанием. Или библиотекарей. Иногда в припадке альтруизма, вспомнив, что дочке давно пора замуж, Алена протаскивает ее по бутикам и заставляет купить одежду и косметику; одежда навсегда остается висеть в шкафу, а косметика мертвым капиталом лежит в шкатулке на туалетном столике, так как пользоваться всеми этими тенями и красками Лара не умеет. Я не понимаю ее, жалуется Алена мужу, неужели ей не хочется одеться? Ходит как бомж, прости господи, она же молодая девка! Я в ее возрасте... Она в ее возрасте была другой. Жадной до жизни, неразборчивой в знакомствах, готовой тусоваться ночь напролет и ни от чего не отказываться. Быть безудержной, одним словом. И любовники... отдельная тема! И ребеночка родила без мужа. Большому кораблю, думает Сунгур... Большому кораблю большое плавание. Кому много дано, с того много спросится. Не дураки придумали. А

ему остается делать вид, что все нормально в датском королевстве. Старший снисходительный товарищ. Сунгур вздыхает...

Он наливает себе кофе, доликает коньяку. Семья накормлена, можно расслабиться. Отец-кормилец. Он слышит, как спускается из своей спальни жена – третья сверху ступенька трещит под ее ногами. Она появляется в дверях кухни – роскошная, крупная, с чуть припухшими после сна глазами и губами, с копной нечесаных светлых волос, в ярко-красном коротком халатике, открывающем круглые красивые коленки.

– Доброе утро! – говорит Алена хрипловатым голосом. – А мне кофе?

– Доброе, – отвечает Сунгур. – Садись. Как спала?

– Отлично! – отвечает жена, отпивает кофе и стонет от наслаждения. – Никто не варит кофе как ты, Кирка, честное слово! Кофе просто шедевральный!

И на том спасибо.

– Ты поздно вернулась... – говорит он, не то утвердительно, не то вопросительно. Приличия надо соблюдать: ты вернулась поздно, я заметил и не стану делать вид, что спал, а ты изволь объясниться... соври что-нибудь, ты же у нас мастерица. Называется правила игры.

– Ага, собрались ребята, посидели в «Сове». Я думала, ты уже спишь, не хотела беспокоить.

Думала, ты спишь, потому не отметилась, не пришла по-

желать доброй ночи – что ж, объяснение как объяснение, не хуже всякого другого, приличия соблюдены.

Они, улыбаясь, смотрят друг на дружку – старые добрые друзья. Вдруг тренькает мобильник жены. Она выхватывает телефон из кармана. Взглядывает на экран. Вскрывает, бросает: «Это по работе!» – и выбегает из кухни. Возвращается через десять минут, говорит, пытаясь погасить сияние глаз:

– Ну, ничего без меня не могут, безрукие!

– Избаловала ты их, – роняет с изрядной долей иронии Сунгур, прекрасно понимая, кто звонил. Ирония – оружие пораженцев, сказал кто-то. Пораженец и есть.

– Да уж! – хмыкает жена. – Юрка бывает дома хоть изредка? – переводит разговор. – Когда он вернулся?

– Изредка бывает. Около трех, кажется, – говорит Сунгур. Он старается не пялиться на жену, но не может удержаться... Он женился на Алене по страстной любви, и восхищение женой с годами не прошло и не поблекло, она по-прежнему желанна, прекрасна... она – чудо, вроде метеора – горит ярко, сжигая все вокруг, сжигая, согревая и освещая, и он благодарен, что может греться в ее тепле... хотя бы греться. Старый беззубый Акела...

Некий психиатр в тэвэ рассуждал о браках немолодых мужчин с молодыми женщинами. Вы себе не представляете, говорил он, и голос слегка дрожал от распирающих его чувств, молодая женщина... это вибрации, энергия, взрыв, полет! Мужчина молодеет рядом с молодой подругой, плечи

распрямяются, даже седина исчезает... и хронические болячки и давление! Все исчезает. Он силен, бодр, активен... гм... в этом самом смысле, бегает по дискотекам, танцует до упаду, он снова молод, он обманул время и счастлив. И продолжается это удовольствие около двух лет, подсчитали ученые. Два года или почти два года активной жизни, а потом... А что потом? А потом подруга по-прежнему хочет дискотек и поездок, он же, увы, сдулся, ему бы полежать после обеда с газеткой, а вечером перед телевизором, а отпуск на любимой даче, где можно ходить в трусах, и в спортзале давно не был. И снова печень, и давление, и плешь на затылке... Как-то так. Природу не обманешь, к сожалению.

Иногда он испытывал желание ударить ее, закричать в ее бесстыжие глаза: я знаю, где ты была и с кем, дрянь, шлюха! Ненавижу! А что дальше? Он отдавал себе отчет, что она сильнее и может ударить сильнее, что он навсегда останется... как бы это поделикатнее – побежденным, на лопатках. Слабаком, другими словами. А еще она ведь может собрать чемодан, образно выражаясь, и поминай как звали. Так что спасибо и на том. Правда, наверняка он ничего не знал... так, лишь предполагал. Ни имен, ни явок.

Красавица и чудовище, иногда думал он...

Жена пьет кофе, намазывает вареньем тост, рассказывает о газетных новостях, смеется. Сунгур почти не слушает, смотрит на ее оживленное лицо... хороша! и представляет себе того счастливца, с кем она была вчера. Вспоминает, как

они любили друг дружку... давно, сто лет назад. Ее словечки, гортанный смех, ее привычки, жадность и смелость... все это свежо в памяти, отпечаталось навеки. Останется с ним до конца. Иногда он сравнивал себя со зрителем в кино... Вам не приходит в голову, что наша память как старый фильм – сидишь и смотришь, и понимаешь, что ты зритель уже, а не участник. А фильм – черно-белый.

О дочери Алена не спросила...

Глава 2

Пятно на безупречной репутации

Горничная Люба проинформировала дежурного администратора Гошу о том, что на номере тридцать шесть уже вторые сутки висит «не беспокоить». Клиент уплатил за пять дней, осталось еще два, потому никто не хватился. Надо бы проверить, не случилось ли чего.

Гоша, небольшой изящный мужчина, в сопровождении Любы и дежурной по этажу Светы подошел к двери тридцать шестого и постучал. За дверью было тихо. Гоша постучал сильнее. С тем же результатом. «Открывай!» – по-командирски приказал Гоша, отступая. Люба сунула карточку-отмычку в щель; дверь распахнулась. Гоша заглянул в полутемную прихожую – на стене горел слабый желтоватый рожок светильника. Из-за Гошиного плеча выглядывали девушки Люба и Света.

Гоша сделал шаг и словно споткнулся, издав хриплый звук – среднее между кашлем и всхлипом. Люба пискнула и зажала рот рукой. Света охнула, схватилась за сердце и прислонилась к стене.

Постоялец лежал на спине, заняв все пространство неширокого коридора. Здоровый толстый мужик, неподвижный, с разбросанными руками и запрокинутой головой; полураспахнутый белый махровый халат в бурых пятнах, торчащее

из груди орудие убийства – ножницы. Неяркие блики света на кольцах белого металла...

...На происшествие прибыл майор Мельник, дельный опер, серьезный до мрачности – казалось, его лицо было вытесано из камня: жесткая складка между густыми бровями, жесткие складки от крупного носа к уголкам жесткого рта. Добавьте сюда мощный разворот плеч и тяжелую поступь, и манеру смотреть *таким* взглядом, что у любого, даже невинного как младенец, появлялось желание закричать: «Это не я! Честное слово! Я больше не буду!»

– Пятно на репутации отеля, – трагически заламывал руки Гоша, человек нервный, холерического темперамента. – Никогда ничего подобного! «Лошадь» уже бьет копытом, заняли весь холл! Выбросят в вечерних новостях, шакалы!

«Вечерняя лошадь» была самой крутой городской газетой быстрого реагирования, собирающей слухи и сплетни, и подвизался там известный и всеядный журналистский авторитет Лео Глюк, спец по криминалу, летающим тарелкам, околотультурным событиям и тайным подземным пещерам. Именно он, культовый Лео Глюк, бил в холле копытом на пару с папарацци Костиком. Звали журналиста на самом деле Алексей Генрихович Добродеев, и был это большой толстощекий шумный и очень подвижный человек с голубыми широко открытыми любопытными глазами, оптимист, везде чувствующий себя как дома, готовый сию минуту бежать, действовать и информировать общественность. За эту готов-

ность и оптимизм по жизни в журналистских кругах была у него кличка Пионер; среди узкого круга еще Лоботомик. С майором Мельником они были старыми добрыми знакомыми. Полчаса назад Добродееву позвонил его старый информант, портье Толик по прозвищу Аллегараж. «Давай к нам, пахнет жареным», – конспиративно прошипел Толик, и журналист, захватив Костика, помчался как на пожар.

– Привет, майор! – поздоровался Леша Добродеев с майором Мельником. – Что случилось? Убийство? Давай по кофейку.

Майор Мельник кивнул, и они подошли к кофейному автомату.

– А может, пивка? – спросил журналист.

– В другой раз, Леша. У меня четыре с половиной минуты, – он поднес к глазам руку с часами. Называть точное время, причем самое странное, было одной из его особенностей. Он никогда не говорил, допустим, вернусь через десять минут, уходя перекусить в буфет, а называл точное время: вернусь через восемь с половиной минут, и возвращался точно в назначенный срок. Коллеги специально проверяли, на спор, и кто сомневался, тот проигрывал. Причем это не было извращенным юмором или приколом – майор Мельник действительно так чувствовал: три с половиной минуты, одиннадцать минут, пятнадцать с половиной. А с чувством юмора... черт его знает, обладал ли майор чувством юмора! Не факт, и к делу не относится.

– Убийство? – приступил к делу Добродеев, наследуя телеграфный стиль майора.

– Похоже, – сдержанно ответил тот.

– Огнестрел? Ножевое?

– Ножницами, Леша.

– Чем?! – поразился Добродеев. – Как это?

– Ножницами. Жертву убили ударом ножниц в область сердца. Лисица считает, он жил примерно минуты полторы после удара... но это, сам понимаешь, навскидку.

Лисица был опытейшим городским судмедэкспертом, небольшим седоголовым человеком, пребывающим в неизменно прекрасном расположении духа, и все знали: если Лисица выносил вердикт насчет того, чем, когда, через какое время наступила смерть, то так оно, скорее всего, и было.

– Невероятно! – не мог прийти в себя журналист. – Кто он такой?

– Приезжий из Зареченска, по торговым делам. Смерть предположительно наступила позавчера вечером, примерно около двенадцати.

– Что уже есть?

– У него в тот вечер была женщина, ее видел дежурный.

– Женщина? Что за женщина? Из ночных бабочек?

– Нет, этих он знает. Женщина средних лет, хорошо одетая, в темном плаще. Они пришли вместе в начале одиннадцатого, жертва подошла к стойке за ключом. Женщина ожидала около лифта. Вроде видели ее уходящей, около две-

надцати. Это дает нам возможность установить время убийства. – Он подумал и прибавил, будучи человеком любящим точность: – Возможно, дает. Все, Леша, нужно идти. Бывай.

– Как его зовут? – на всякий случай, особенно не надеясь, спросил Добродеев.

Майор иронически хмыкнул.

– Спасибо, майор, пиво за мной, – сказал Добродеев.

Они пожали друг другу руки, и майор Мельник, печатая шаг, двинул к лифту. Перекур закончился, труба зовет, работы непечатый край. А Добродеев машинально взглянул на часы и убедился, что беседа длилась ровно четыре с половиной минуты; взял еще один стаканчик кофе и кивнул Костику. Тот подошел.

– Мужика зарезали ножницами, – сообщил Добродеев.

– Как? – удивился Костик. – Ножницами? Уже знают кто?

– У него была женщина, – сказал Добродеев.

– Женщина? – еще больше удивился Костик. – Ножницами?

– А чем надо, по-твоему?

– Ну, не знаю... ножом. Может, жена?

– Не похоже. Потусуйся тут, поснимай, потом разберемся.

До встречи!

С этими словами Добродеев побежал к выходу, выскочил на улицу, схоронился за углом и достал мобильный телефон...

Глава 3

Чрезвычайное заседание Клуба толстых и красивых любителей пива

– Привет, Леша! – обрадовался Митрич, хозяин бара «Тутси», он же бармен, завидев на пороге заведения любимого клиента, журналиста Лешу Добродеева. – Давненько тебя не было! Как жизнь?

– Путем, Митрич! Сам как?

– А что нам сделается, тянем помаленьку, – сказал Митрич. – Говорят, убийство в «Братиславе»?

– Так точно, Митрич, убийство.

– Кто, известно?

– Как всегда, Митрич, шерше ля фам!

– Женщина? – поразился Митрич. – Ножом? Или из пистолета?

– Ты не поверишь, Митрич, ножницами! – Добродеев понизил голос и оглянулся.

– Ножницами?! – Митрич был потрясен. – Как это – ножницами? Ты сам видел?

– Пока нет, но не теряю надежды. Мельник дал показания.

– Мельник... ага. А Олег придет?

– Сейчас прибудет.

– Уж вы, ребята, постарайтесь, – попросил Митрич. – Я

не очень верю нашей полиции, хотя майора уважаю.

– Постараемся, Митрич, будь спок.

Добродеев поместился за «отрядным» столиком в углу и принялся ждать. Митрич принес ему литровую кружку пива и соленые орешки, присел рядом. Ему не терпелось узнать детали.

– А эта женщина... о ней что-нибудь известно?

– Почти ничего, – Добродеев отставил кружку. – Она не из этих... – Он многозначительно приподнял бровь и пошевелил пальцами. – Средних лет, хорошо одета. Жертва из Зареченска – командированный. Познакомился, привел к себе и поплатился.

– Случайное знакомство, получается, – глубокомысленно заметил Митрич. – Недаром говорят: случайные знакомства до добра не доводят. А может, и не случайное. Может, они были знакомы давно, если она его... Или грабеж... Мельник не сказал? Может, у него были деньги?

– На данном этапе следствия Мельник молчит как рыба. Поверишь, с трудом удалось вырвать из него пару слов...

– Понятно, – кивнул Митрич. – Ой, Олег пришел!

Они с волнением наблюдали, как новый гость, Олег Христофорович Монахов, пересекал зал; Добродеев встал, приветствуя друга; Митрич, кажется, прослезился – наблюдалась в нем в последнее время какая-то странная сентиментальность.

Олег Христофорович... да ладно, к черту официоз! Дру-

зья называли его Монах или Христофорыч, и был это человек необыкновенный во всех отношениях. Причем необыкновенность начиналась сразу же, с первого взгляда на него: был Монах большим, как слон, при этом бородатым, длиноволосым и толстым; на груди его на цепочке висит монетка-мандала из непальского буддийского монастыря, а на правой кисти завязана синяя шерстяная ниточка от сглаза. Вся его фигура, от хвостика волос на макушке до громадных лохматых унтов или матерчатых китайских тапочек с драконами, излучает такую мощную ауру покоя и надежности, что окружающие немедленно забывают о всяких невзгодах, понимая, что все их невзгоды не что иное, как мелочь, не стоящая внимания. Им хочется взять его за большую теплую руку и почувствовать мощное биение жизненных токов, а бабульки начинают истово креститься, и он, не чинясь, осеняет их дружеским взмахом. К слову, когда он практиковал как экстрасенс, от желающих отбоя не было.

Был Монах женат трижды, всякий раз на красивейших женщинах, включая приму местного драматического театра; окончил факультет психологии столичного университета и физмат местного политеха; остался на кафедре, защитился, засел за докторскую. Потом бросил, что не мешало ему представляться доктором физико-математических наук. И все без напряжения, легко, играючи. Он вообще легкий человек, несмотря на внушительные размеры. С женами разводился тоже легко, оставаясь с ними в самых дружеских от-

ношениях. Связи не терял, забегал на огонек, даже оставался ночевать иногда, под настроение. Увлекался психологией, экстрасенсорикой, эзотерикой и оккультизмом. Почитал себя волхвом. Он не боялся жить, бросаясь в жизнь, как в прорубь, и легко менял среду обитания. В один прекрасный момент он бросил все к чертовой матери и подался в народ. Потом вернулся, потом снова все бросил. Ему было скучно на одном месте, его гнали в дорогу любопытство, нетерпение и стремление заглянуть за горизонт.

Анжелика, супруга друга детства Жорика, говорила, что у него шило в одном месте. Очень образно. Жорик мнение супруги полностью разделял.

Монах бродил по Сибири с дикой бригадой шишкобоев, находя общий язык с беглыми преступниками, ворами и пьяницами, с самым последним человеческим отребьем. Собирали целебные корни, всякие грибы, от которых спишь, как младенец, ягоды и травы. Записывал рецепты народных медицинских и шаманских снадобий, а также заговоров и приговоров. Жил в палатке или под развесистой елкой, купался в проруби. Однажды зимовал в землянке неизвестно где, отбившись от стаи и потеряв тропу. Но выжил, даже зубов не потерял при кровоточащих деснах. Был при этом невероятно толст, как уже было отмечено, дружелюбен, и всякому новому человеку казалось, что они знакомы не одну сотню лет. Сердца стремились ему навстречу, будь то замшелое сердце местного колдуна, открывавшего ему свои древние секреты,

или ненавистного кулака-единоличника в каком-нибудь богом забытом месте, в глухой тайге, куда так и не дошли ни советская власть, ни дикий капитализм, который, придерживая собак, пускал его на ночь, кормил и поил, как брата. Он, который и маме родной пожалел бы куска хлеба.

А еще он любит всякие красивые афоризмы, вроде: «Ситуацией владеет тот, кто работает над ее овладением»; «Цель оправдывает средства»; «Главное – не попадаться под ноги бегущим» и «Когда события принимают крутой оборот, все смываются».

Этот набор нехитрых истин – его жизненное кредо. Олег, как было уже упомянуто, почитал себя волхвом и был как бы над моралью. Химера совести его также особенно не обременяла. Но справедливости ради нужно заметить, что при случае он мог поделиться последним куском или отдать с себя последнюю рубашку. Он испытывал любопытство к жизни и к людям, а также нетерпеливое желание знать, что будет завтра и что происходит в других местах. Отсюда проистекала его любовь к перемене мест.

Кроме того, он был абсолютно уверен, что человек не заканчивается с земной жизнью, а существует после смерти в другом формате. Он сомневался, правда, что память отдельно взятого индивидуума сохранится в новом формате, но мысль, что рано или поздно он узнает наверняка, постоянно присутствовала на заднем плане его размышлений. Существует порядок вещей, считал он, и все на свете подчиня-

ется этому порядку. Такова конечная справедливость мироздания.

О себе он говорит с приличествующей скромностью: «Я же не Господь Бог и не ясновидящий, я всего-навсего скромный бродячий волхв с детективными способностями. Возможно, где-то гений...» Волхв и гений... однако! Добродеев, например, не то чтобы не верил, а, скорее, сомневался, что не мешало ему тем не менее считать Монаха необыкновенным человеком. Жорик тоже считал, что есть в Монахе нечто этакое... тут он шевелил пальцами и задумчиво смотрел в потолок. Невыразимое. Анжелика, его жена, ничего такого не считала, так как экстрасенсы в битвах на экране были совсем другие, а в Монахе и тайны не чувствовалось, и мистики маловато – не забирает. Лежит себе на диване, никого не трогает, любит покушать, а чуть припечет солнышко и полезет трава, срывается с места и только его и видели.

Почему с «детективными способностями», спросите вы, при чем тут детективные способности? А при том, что удалось Монаху распутать парочку интересных детективных загадок, было дело. А началось все с сайта, который Монах открыл в один прекрасный момент в припадке любви к ближнему. Вернулся после скитаний по медвежьим углам, соскучился и воспылал. Сайт назывался «*Бюро случайных находок. Вопросы и ответы*». В предисловии Монах сказал следующее:

«Здравствуйтесь, друзья! Меня зовут Олег Монахов. Я пси-

холод, математик, мыслитель и путешественник. За свою долгую и пеструю жизнь я встречался с разными людьми, попадал в критические ситуации, иногда прощался с жизнью – было и такое... И сейчас я с уверенностью говорю вам: я могу помочь! У меня есть ответы на многие вопросы – приходите и спрашивайте. Попробуем разобраться в ваших проблемах вместе. Запомните: нет безвыходных ситуаций. Вернее, есть, но их мало. Иногда кажется, что все! Тупик, конец, безнадега! Вы растерянны, вам страшно и хочется убежать... Но проблемы придется решать, от них никуда не денешься. Давайте сделаем это вместе.

Запомните... Нет, зарубите себе на носу: жизнь всегда продолжается!»

И тут же была помещена его фотография: большой толстый бородатый человек в голубой рубахе навыпуск, похожий на добродушного медведя, сложив руки на груди, прищурясь, смотрит на зрителя.

Друг детства Жорик тотчас окрестил сайт «скорой помощью» и заявил, что тому недостает драйва и красок.

Справедливости ради необходимо заметить, что желающих получить ответ на критический вопрос случилось кот наплакал – видимо, народ теперь пошел беззаботный и беспроблемный... ну и слава богу. А может, и правда маловато драйва и красок... не вставляет.

Таким необычным человеком был Олег Монахов по прозвищу Монах, друг Добродеева и Митрича.

История знакомства и последующей дружбы Монаха и Леша Добродеева была весьма примечательна. Они познакомились, расследуя убийство девушек по вызову. Да, да, однажды случилось и такое в нашем старинном спокойном городе...¹

Тогда-то они и подружились, влезли в решение загадки с головой и основали Детективный клуб толстых и красивых любителей пива, а явочной квартирой стал известный в городе бар «Тутси» – с его слегка ностальгической обстановкой, джазом и романсами в исполнении непрофессиональной певицы, скромной и приятной молодой женщины. Где хозяином и барменом трудился известный уже читателю Митрич.

А еще здесь подают фирменные бутерброды с копченой колбасой и маринованным огурчиком, которые проглатываются целиком вместе с собственным языком под классное пиво примерно полутора десятков сортов...

Добродеев и Монах обнялись. Митрич стоял рядом и сентиментально вздыхал, предчувствуя скорую разлуку. Кончается лето, на дворе август, а там и зима не за горами, а там и весна, а значит, подастся вскоре Монах с громадным рюкзаком за плечами в дальние странствия. Митрич был как умная Эльза из старой доброй немецкой сказки – начинал переживать задолго до...

– Ты уже у себя? – спросил Добродеев, когда они уселись, а Митрич умчался за пивом и бутербродами.

---

¹ См. роман И. Бачинской «Маятник судьбы».

– У Жорика. У меня пока ремонт.

– Жорик говорил, что закончили! – удивился Добродеев. –

Видел его на днях.

– Ну, мебели еще нет, кастрюль всяких... – неопределенно сказал Монах и огладил бороду.

– В чем дело, Христофорыч? Ты же мечтал переселиться, они же тебя достали, сам говорил.

Монах задумался. Квартиру он прикупил еще год назад, но пока не съехал от друга детства Жорика, у которого квартировал между побегами.

... – Живой! А я думал, тебя уже схарчили аборигены!

Такими радостными словами встречал друга Жорик, когда Олег вваливался к нему как-нибудь поутру или на ночь глядя, грязный, обросший пестрой патлатой бородой, с неподъемным рюкзаком за плечами после долгого отсутствия. Друзья обнимались, замирали на долгую минуту, после чего Олег отправлялся в ванную, долго плескался в горячей воде, выливая на себя полбутылки шампуня, подстригал и расчесывал бороду, стриг ногти и выходил оттуда уже новым человеком. Они сидели чуть не всю ночь, пили водку, закусывали хлебом, салом и яичницей и общались.

Они дружили еще со школы, как было уже сказано, – дерганый, кипящий энергией и идеями, расхристанный Георгий-Жорик и благодушный толстый и солидный Олег Монахов. За общие шалости попадало, как правило, одному Жорик. Планида у них была такая по жизни. Уже тогда в нем

проклевывался математический гений, а также и лидер. Он всегда был другой. И девочки за ним бегали, и учителя его любили, и конфликтные подростковые ситуации он улаживал, когда стенка шла на стенку. И не били его никогда, и драки его миновали... Эх, юность!

– Понимаешь, Леша, не привык я к пустым стенам, – сказал после паузы Монах. – В лесу могу один, в горах тоже могу, а в квартире не могу. И святое семейство у меня вроде как уже во где! – Он рубанул краем ладони по горлу. – Сильно достало – и вечный ор, и зверье под ноги лезет, и неадекватный хомяк Шарик... представляешь, спит на обеденном столе! И всем по барабану. Мечтал, что съеду, и планы были насчет интерьера... ну, чтобы никаких обоев, терпеть не могу обои, никаких ковров, люблю белые стены... как в монастыре, минимум мебели, здоровенный диван или даже тахта... балконная дверь открыта и зимой, и летом, чтоб снег залетал, еще здоровенный стеклянный стол под компьютер, это обязательно, а теперь тяну... сам не знаю почему. Уже совсем было собрался, а Анжелика в рев, я и остался.

– Жениться бы тебе, – заметил Добродеев с интонациями профессиональной свахи.

– Думаешь?

– Черт его знает!

– То-то и оно, – вздохнул Монах. – Кстати, что там за история с убийством в «Братиславе»?

Добродеев хмыкнул, оценив ассоциацию между женить-

бой и убийством, и сказал:

– Убит мужчина, приезжий, ударили ножницами в грудь. Пока больше ничего. В вечер убийства у него была женщина. Предполагают, что это она его...

– Ножницами? Однако. Крупная?

– Кто?

– Женщина. Чтобы убить ножницами, нужна немалая сила, Леша. Это даже не нож. Ее видели, как я понял?

– Видели, как она пришла с ним, а потом ушла одна. Свидетель говорит, невысокая, среднего возраста, в темном плаще, у них впервые. Во всяком случае, никто ее раньше не видел или не запомнил. В смысле, не из профессионалок. Я общался с Мельником, ну ты же знаешь, из него клещами не вырвешь...

– Знаю. Все такой же серьезный?

– Еще хуже – мрачный! С возрастом недостатки усугубляются, как тебе известно.

– Не факт, – сказал Монах. – Можно впасть в детство и начать наконец радоваться жизни.

– Интересная мысль, – покивал Добродеев. – Какие планы?

Монах некоторое время испытующе рассматривал журналиста. Потом спросил:

– Думаешь, стоит?

– Думаю, стоит, – твердо ответил Добродеев. – Кто, как не мы?

– Ну да, ну да, – хмыкнул Монах. – Надо подумать, Леша. Я бы поговорил со служащими «Братиславы». Ты с ними как?

– Нормально. Поговорим. Еще?

– Надо бы осмотреть номер, где проживала жертва. Я понимаю, он опечатан, но... надо. Кроме того, хотелось бы взглянуть на записи видеокамеры, таинственная женщина могла засветиться в кадре, но я думаю, майор их изъял. Значит, описание женщины и осмотр помещения. Сможешь?

Добродеев кивнул озабоченно.

– В нашем деле, Леша, главное ракурс и нестандартность мышления, потому что в действительности все не так, как на самом деле, – назидательно сказал Монах и припал к кружке.

Добродеев снова кивнул и последовал его примеру...

Глава 4

Прием и междусобойчик

*Нет такого пустого писателя, который не
нашел бы себе читателя.
Закон конгруэнтности*

Прием – громко сказано. Так, скромная встреча с читателями-почитателями в книжном магазине «Книжный червь», или ласкательно «Червячок», переживающем не лучшие времена, увы. Ходят упорные слухи, что не сегодня завтра его прикроют, так как книги в наше время становятся предметом роскоши, не всем доступной. Но это завтра, а не сейчас и не сегодня.

Сунгур сидит за небольшим столиком, по левую руку стопка его книг, в том числе предпоследний роман «Колокольный звон» и совсем последний, с пылу с жару – «Опрокинутые небеса». Рядом Лара, ее рука на плече отца. Обещалась быть Алена; Юрий сказал, что занят. Из официальных лиц присутствуют главный редактор издательства «Арtnуво» Савелий Зотов в черном костюме с галстуком; его заместитель, молчаливый мужчина средних лет с уклончивым взглядом и длинными волосами, собранными в жидкий хвостик, Валерий Абрамов; директор «Книжного червя» Коля Рыбченко, толстый краснощекий мужчина с уса-

ми, а также известный читателю журналист Леша Добродеев – все, кроме Абрамова, близкие друзья писателя. За ближайшим стеллажом притулился Монах, внимательно разглядывающий книги. Писателя он никогда раньше не встречал; пригласил его на встречу Леша Добродеев, сказал, Сунгур – интересный дядька, тебе понравится. Вроде Лени Громова, спросил Монах. Нет, совершенно в другом стиле, нормальный мужик, не выпендренный. Леня – иезуит и сексуально озабоченный, этот попроще².

Савелий Зотов представил писателя, рассказал о дружбе и сотрудничестве с ним и о том, какая честь издавать его замечательные романы, зовущие к свету и гуманизму, несмотря на убийства и кровь. «Можно даже о таких вещах писать... э-э-э... тепло и задушевно», – завершил свой спич Савелий под аплодисменты читателей. Он – никудышный оратор, все знают, хотя редактор первоклассный. Вот и сейчас он говорил, не отводя взгляда от бумажки, которую сжимал в руке. Закончив, с облегчением перевел дух, утерся носовым платком и долго тряс писательскую руку. Они даже обнялись и некоторое время хлопали друг друга по спине. Лара встретила взглядом с отцом и кивнула ободряюще. Валерий Абрамов смотрел на патрона исподлобья, и было непонятно, что у него на уме; первая мысль – ничего хорошего.

Сунгур наконец оторвался от редактора и сказал:

– Спасибо! Спасибо всем, кто пришел! Я пишу книги для

---

² См. роман И. Бачинской «Маятник судьбы».

вас и, поверьте, с волнением шел на встречу. Я общаюсь с читателями в соцсетях, но сегодня мы с вами поговорим, глядя друг другу в глаза. Ваши мысли невероятно ценны, и я непременно учту их в своей работе.

Аплодисменты были ему ответом. Читателей меж тем добавилось. Атмосфера была *волнительная*, как любят говорить представители массмедиа. Все стояли кружком вокруг импровизированной кафедры-столика; Сунгур, высокий и худой, казался Дон Кихотом, а сияющий Рыбченко рядом смотрелся Санчо Пансой. Взгляд у него был слегка несфокусированный – Коля человек пьющий, что общеизвестно, но головы при этом не теряющий. Он также известен креативностью, и «Червячок» на плаву благодаря исключительно его усилиям: праздники рисунка, литературные конкурсы, викторины... все это было прекрасно, но собирало все меньше народу. В наше время диктуют технологии, как известно.

– Можно задавать вопросы, – сказал Рыбченко басом и повел рукой. – Прошу вас, не стесняйтесь, Кирилл Вениаминович с удовольствием ответит. Правда, Кирилл Вениаминович?

– Совершенно верно, я с удовольствием отвечу на ваши вопросы. Для меня честь ответить на ваши вопросы и обсудить с вами мои книги. Связь с читателями – то, что удерживает писателя в реальной жизни и помогает ему понимать проблемы народа.

Ваши вопросы, наши ответы... снова вопросы. Понимать

проблемы и чаяния народные... Получилось пафосно и не совсем уместно – не политический митинг, чай. Сунгур внутренне поморщился и вспомнил из классиков: все ораторы как один сбивались на международное положение, хотя речь шла о запуске трамвая. Ты еще помяни борьбу с коррупцией, попенял он себе. Лара снова сжала его плечо: поняла и приободрила.

Подняла руку дама в шляпе с красными маками. Сунгур внутренне поежился и улыбнулся.

– Почему мало о любви? – строго спросила дама. – Почему вы их всех убиваете? Почему в каждом романе у Александра Волкова новая девушка?

– А вам надо, чтобы семья и дети? – вмешалась соседка, романтическая девушка средних лет. – Тогда никакой романтики.

– И в постели все время... и так один блуд по телевизору!

– Неправда! Хорошие девушки!

– А мне, наоборот, не нравятся, никакой романтики! Домашние клуши!

– Ваш Александр Волков настоящий мужчина! Таких уже не осталось! Ни одного!

– Откуда вы так хорошо понимаете женщин?

– Его же все время бьют! Он же весь переломанный! Аж сердце замирает!

– До самого конца не могу понять, кто убийца! Так закручено, так закручено, ужас!

– Видно, что вы охотник, – встречает старик в панамке. – А ваш герой – реальное лицо или вымышленное?

– Дайте сказать писателю! – вмешался усатый Коля Рыбченко. – Прошу вас, Кирилл Вениаминович!

– Спасибо за вопросы! Прекрасные вопросы. Попробую ответить. Мой герой лицо... – Сунгур делает паузу. Тишина такая, что, пролети муха, подумают, что летит реактивный самолет. – ...лицо реальное!

Стон восторга.

– Да, да, я описал своего друга... к сожалению, он погиб несколько лет назад. Он был таким же бескомпромиссным, честным и прямым, как мой герой. Когда я пишу книгу, я, по сути, описываю своего друга – его внешность, словечки, жесты. Даже его шутки. Жизнь у моего героя полная риска, каждую минуту его могут убить, засада может ожидать... ничего уж тут не поделаешь. А его девушки... – Сунгур развел руками. – Наверное, такими и должны быть девушки солдата.

Монах за стеллажом ухмыльнулся. Леша Добродеев держал в вытянутой руке мобильный телефон, лицо у него было вдохновенное – он работал. Монах получал истинное удовольствие, слушая вопросы и рассматривая лица; он несколько не жалел, что поддался на уговоры журналиста. Ему понравился заикающийся главный редактор – простой честный дядька, в меру наивный и не сволочь. А вот его заместитель – та еще штучка и рано или поздно подсядет шефа: вон,

скалит зубы, слушая корявый спич начальника. Рассматривая писателя, который ему скорее понравился, чем не понравился, Монах голову готов был дать на отсечение, что частный сыщик из его романов не кто иной, как он сам. В смысле, насчет друга все вранье, потому что описывал Сунгур себя воображаемого: и внешность, и подтянутость, и мускулы, и готовность к драке... А что же от Сунгура настоящего? Голова, мысли, мироощущение и мировосприятие. Если вчитаться, то бросается в глаза некая синтетичность образа и, пожалуй, несочетаемость: персонаж, с готовностью лезущий в драку, в синяках и боевых шрамах – далеко не мыслитель, не правда ли? Но, с другой стороны, постоянные драки с плохими парнями заставляют задуматься о несовершенстве мира и смыслах. То есть, или сопьешься, или станешь мыслителем. Или писателем – если язык подвешен правильно. Да и вообще, любой роман в той или иной степени – автобиография сочинителя.

– Я хочу рассказать вам про жизнь моего отца, – заявила дама в шляпе. – Получится замечательный роман, я уже давно собиралась. Вы даже не представляете себе... – Она закатила глаза.

– А вы напишите мне в «Фейсбук», – нашелся Сунгур, внутренне содрогаясь, вспоминая соседку по даче, – той почему-то казалось, что история ее семьи достойна описания, и Сунгур именно тот человек, которому она может доверить сокровенное. Алена открыто издевалась, а Лара поила сосед-

ку чаем и сочувствовала отцу. Однажды она сказала: представь себе, что она тоже пишет романы и приходит к нам почитать вслух. «Представляешь?» – спросила она. Сунгур рассмеялся...

...Получилось в итоге очень мило. Как говорят, встреча прошла на высоком организационном уровне... так, кажется? Писатель улыбался направо и налево, надписывал книги, желал всех благ, жал руки и похлопывал по плечу; расписывался залихватским росчерком. Лара переводила сияющий взгляд с отца на благодарных читателей. Алена так и не пришла.

А потом самые близкие собрались на междусобойчик в кабинете Коли Рыбченко, и он, оживленный, суетился, рассаживая дорогих гостей кого на диван, кого на подоконник, и доставал из книжного шкафа рюмки и стаканы, а из холодильника водку, шампанское и холодные закуски и расставлял на письменном столе.

Присутствовали, как уже было отмечено, близкие друзья писателя: Савелий Зотов с худосочным и неприятным на вид заместителем Валерием Абрамовым; Леша Добродеев и Монах, которого он представил всем как близкого друга, известного экстрасенса и неутомимого путешественника, и Монах сделал вид, что смутился. Лара взглянула с интересом, Сунгур – испытующе, они обменялись рукопожатием, и Монах сказал, что у него есть книжка писателя, и он обязательно ее прочитает, причем начнет сегодня же. Раньше, к сожалению,

нию, не получилось из-за разъездов. Насчет книжки – вранье, книжки у него не было, но он очень рассчитывал на Анжелику, которая любила детективы. Кроме того, предпоследнюю, «Колокольный звон», он даже купил и подсунул Сунгуру для автографа. Савелий Зотов, похоже, был занят своими мыслями и не услышал, заместитель сардонически ухмыльнулся; Коля Рыбченко, принимающая сторона, озабоченно кивнул – здесь гостям всегда рады. Монах взял рюмку водки, наколол на пластиковую вилку кусок ветчины и схоронился за книжным шкафом, изображая из себя наблюдателя.

Тут был еще один персонаж, держался скромно рядом с Ларой. Она подвела его к отцу и, покраснев, сказала, что это Ростислав и они друзья. Сунгур внимательно взглянул на молодого человека и пожал протянутую руку. Парень был видный – высокий, с приятным серьезным лицом. Лара рядом с ним смотрелась плоско и бесцветно.

– Рад, рад, – сказал Сунгур. – Вы тоже по библиотечному делу? – спросил, хотя так не думал.

Парень улыбнулся:

– Я автомеханик.

– А где же вы, так сказать, пересеклись?

– На улице, – сказала Лара, рассмеявшись. – Представляешь? Столкнулись лбами и познакомились. – Она сияла и переводила взгляд с отца на парня. Ей страшно хотелось, чтобы они понравились друг другу.

– Понятно, – сказал Сунгур, хотя не очень понял.

– За нашего классика! – закричал Коля Рыбченко, которому не терпелось выпить. – За нашего дорогого Кирюшу! До дна!

И пошло-поехало. Взлетела в потолок пробка от шампанского – Лара и Ростислав от водки отказались. Лара пригубила шампанского и сейчас, чуть пьяная и оживленная, держала Ростислава за руку. Монах задержал на ней взгляд и подумал, что ей бы косметику поярче и какую-нибудь кофточку с вырезом поглубже, а то монашка монашкой. Он выпил уже три рюмки водки, ходил туда-сюда – к столу и обратно за шкаф, – исправно жевал копченое мясо, прикидывая, когда можно будет свалить. Поглядывал на часы, переводил взгляд на Добродеева, который, увлекшись, говорил уже третий спич. Хлебом не корми, подумал Монах. Ну, трепач!

В дверь громко постучали, и на пороге появилась шикарная блондинка в белом платье. Коля Рыбченко встретил ее появление радостным ревом. Подскочил, поцеловал ручку. Это была Алена Сунгур.

– Кирюша, извини, не смогла раньше! Как прошла встреча? Хвалили или ругали? – Голос у нее был звучный, приятного низкого тембра; казалось, она не говорила, а выпевала слова и фразы.

Монах перестал жевать и уставился на Алену во все глаза. Кое-что о ней он уже знал от Добродеева: сильная личность, первоклассная журналистка, красotka, каких мало, причем с мозгами; намного моложе мужа, а Сунгур хоть и известный

писатель, но рога как у лося. Тут Добродеев хихикнул и добавил, что очень любит и уважает писателя, но... тут он развел руками, словно намекал на близкое знакомство с Аленой. Монах не поверил и тоже ухмыльнулся. Добродеев уже целовал ручку новой гостье; Сунгур приобнял жену, прижался губами к виску. Ругали, конечно, сказал.

– Юрки не было? Обещался, паршивец.

– Очень хвалили, – сказал, краснея, Савелий Зотов. – Здравствуй, Алена.

– Савушка, родной! – пропела Алена, обнимая смущенного Савелия, расцеловывая его в обе щеки. – Леша! Ребята! Если бы вы знали, как я рада вас видеть! А это у нас кто? – Она уставилась на Монаха, и тот, как Добродеев минутой раньше, подобрал живот и расправил плечи. Втянул воздух и почувствовал сильный сладкий запах ее духов.

– Мой друг-экстрасенс, Олег Монахов, – вылез Добродеев. – Очень рекомендую!

– В каком смысле? – подумал Монах.

– Экстрасенс? Не может быть! – Алена схватила Монаха за руку. – А погадать по руке сможете?

Она, улыбаясь, уставилась на него дерзкими голубыми глазами. Монах, к своему изумлению, почувствовал, что краснеет, у него даже слегка зачесалось между лопатками, что случилось в минуты волнений.

– Это нам запросто, – сказал он, напирая на «о» и расчесывая бороду пятерней. – Сейчас изволите?

– Не при людях, мой дорогой! – громким драматическим шепотом заявила Алена, наклоняясь к Монаху. – Я позвоню!

Коля Рыбченко спросил, широко улыбаясь:

– Аленка, шампанского?

– Водки! – выпалила Алена.

Заместителя редактора она словно не заметила. Тот, неопределенно улыбаясь, не сводил с нее взгляда. Сунгур со смешанным чувством ревности и гордости наблюдал за женой. Привыкший раскладывать по полочкам окружающий мир и людей, он давно уже определил для себя три «публичных» типа поведения жены. Первый – рубаха-парень, свой человек, какое, к черту, шампанское, водка, кусок хлеба и «поехали, ребята!». Второй – независимая, смелая, ироничная баба с мозгами, профи с нахальными вопросами. Третий: вамп! Обольстительная улыбка, манера смотреть в глаза чуть исподлобья и брать за руку, иногда «крутить пуговицу» на пиджаке, против чего не устоит самый жестоковыйный, плюс голос сирены, низкий сипловатый шепоток, нога на ногу, обнажив красивую ляжку; отсюда же манера красивым движением отбрасывать пышную белую гриву и теревить мочку уха. Львица! Еще макияж – яркий во всех типажах. Плюс сладкий тяжелый парфюм – как завершающий штрих. Был и четвертый тип, непубличный – утренний, домашний, без макияжа, в расхристанном красном халатике до пупа, с припухшими губами и глазами, с круглыми коленками... и этот был самым желанным. И все четыре были страшно далеки

от него... увы.

Алена лихо опрокинула рюмку, скривилась, замахала рукой, схватила с услужливо подsunутой тарелки кусок мяса. Схватила рукой, проигнорировав протянутую вилку. Рубаха-парень, свой в доску, к черту условности! И словно только сейчас увидела дочь.

– Ларка, ты? Давно не виделись! А это?.. – Она взглянула на парня, стоявшего рядом с дочкой, – в глазах плясали черти и бровка играла.

– Это мой знакомый...

– Твой знакомый? – перебила Алена. – А я ни сном ни духом? Ну, здравствуй, знакомый! А зовут-то тебя как?

Она, ухмыляясь, смотрела на парня. Тот поклонился и сказал:

– Ростислав. Рад знакомству, много слышал о вас.

– Представляю себе! – фыркнула Алена. – А ты вообще кто? Чем занимаешься, Ростислав?

– Автомеханик.

– Правда? – обрадовалась Алена. – Подгоню тачку, посмотришь! Визитка есть?

Ростислав кивнул и зашарил по карманам.

– Нам пора, – вдруг сказала Лара, мрачняя.

– Куда это?

Лара растерялась, не зная, что сказать.

– Мы собирались в гости к моим друзьям, – сказал парень. Соврал, понял Монах. Ему казалось, что он в театре, и

он получал громадное удовольствие, наблюдая местную литературную тусовку. Он даже забыл, что еще недавно соби-рался свалить.

Радостный и пьяноватый Коля Рыбченко опять разливал водку; Савелий Зотов прикидывал, прилично ли распрощаться, и лицо у него было озабоченное и слегка несчастное – казалось, у него болят зубы, и в нем можно было читать как в открытой книге; Валерий Абрамов ни с кем в разгово-ры не вступал, только зыркал исподлобья, скалил зубы и пил водку стакан за стаканом, не закусывая – похоже, завидует писателю, решил Монах, – или паршивый характер; Добро-деев с красными пятнами на скулах, подобравшись поближе, восторженно вибрировал, не сводя взгляда с Алены. Сунгур же... в его глазах был шквал эмоций. Он смотрел то на жену, то на дочку, растерянную, смущенную, и Монах в который раз уже подумал, что из ярких независимых сильных жен-щин получают плохие жены, что лучше уж такая, как Лара, бесцветная и безлика. Но это понимает умудренный жиз-ненным опытом экстрасенс и путешественник, а нормаль-ный мужик протянет ручки к Алене, а потом будет всю жизнь удивляться, почему пол не метен, вечно жрать хочется и ка-кая-то сволочь, фигурально выражаясь, все время звонит и молча сопит в трубку.

Кроме того, в семье писателя отчетливо определились два лагеря, что видно невооруженным взглядом даже сторонне-му наблюдателю...

* * *

...Глубокая ночь. Стук дождя в подоконник, порывы ветра и ветка, скребущая о стену дома; запах мокрой земли из сада. В овале света от настольной лампы – лист бумаги и руки человека, худые пальцы сжимают шариковую ручку. Человек пишет, с силой нажимая на ручку, иногда рвет бумагу. Поминутно заглядывает в книгу, лежащую слева. Переворачивает страницу за страницей. Исписанный лист откладывает на край стола, там уже целая стопка. Он работает как автомат: ноют застывшие спина и плечи; он не чувствует, как отяжелела поясница и затекла шея; он переводит взгляд с книжной страницы на белый лист, лежащий перед ним, да иногда смахивает упавшие на глаза пряди. И только когда за окном определяются серые утренние сумерки, он отрывается от своего занятия, распрямляет спину, шевелит плечами, поднимает над головой руки, растирает каменную шею. Удовлетворенно смотрит на исписанные листы. Ночь кончается, кончается и его работа...

Глава 5

Гостиница

*Ах, гостиница моя, ты гостиница,
На кровать присяду я, ты подвинешься.
Занавесишься ресниц занавескою.
Я на час тебе жених, ты невестою...*

Юрий Кукин. Гостиница

Монах, большой, как слон, в рубахе навывпуск и в китайских матерчатых тапочках с драконами, слегка раскачиваясь на ходу, не торопясь подходил к «Братиславе», самой крутой городской гостинице. На плацу перед входом рдела круглая клумба с красно-оранжевыми каннами, ее окружали несколько дизайнерских скамеек с узорными боковинами и ножками в виде львиных лап. На одной из них сидел некто с виду бомж и держал в руке бумажный стаканчик – делал вид, что пьет кофе, понял Монах. Он пошарил по карманам, выгреб мелочь и, проходя мимо, бросил в стаканчик. Бомж пробормотал что-то вслед, Монах, не оборачиваясь, величественно отмахнулся: не стоит, мол, благодарности.

Леша Добродеев уже танцевал в нетерпении перед входом. Завидев Монаха, он замахал руками и закричал:

– Привет, Христофорыч! Гоша и барышня на точке, сейчас все провернем.

Монах степенно подошел, сказал:

– Добро, Леша. День-то какой, а? Прохладно, ветерок. Похоже, жара спала.

– День? Ветерок? – удивился Добродеев. – Не заметил. Пошли, Христофорыч. Гоша сопротивлялся, но я его уломал.

– Небось стихи пишет, – предположил Монах. – Обещал напечатать?

– Нет, он спец по патиссонам.

– Патиссонам? – удивился Монах. – Это вроде летающих тарелок? Ну и?.. Ты собираешься купить у него рассаду?

– Нет, я напишу о гигантском овоще по имени «Братислава», у нас скоро день города и конкурс, Гоша мечтает победить. Он у нас известный юннат и селекционер.

– Понятно. Кстати, о писателях. Мне твой писатель понравился... как его? Сунгур?

– Сунгур. А жена? – хихикнул Добродеев.

– Жена... – Монах вздохнул. – Жена хороша. Хотя красивая женщина с мозгами – взрывоопасная смесь. Да и характерец термоядерный. Опасная личность.

– А то! – Добродеев снова хихикнул.

– У вас что-то было? – спросил Монах – ему было интересно, соврет Добродеев или нет.

– Ну-у... – протянул Добродеев, как бы колеблясь и давая понять, что было, но он, как человек порядочный... и так далее.

– Понятно, – хмыкнул Монах, с ходу просекший добро-

деевское вранье.

– Да ладно, – сказал Добродеев. – Ну, не было, но, сам понимаешь, будь я понастойчивее...

– Понимаю. Хорошо, что я не женат, а ты, Лео, скользкий тип.

...Их ожидали. Хрупкий небольшой суетливый Гоша и большая степенная горничная Люба. Девушка отперла дверь тридцать шестого номера.

– Мы никого не заселяем, прокуратура не разрешает. Забрали его вещи, бутылку от шампанского, стаканы. Слава богу, хоть не опечатали, а то и так слухов полно. Кстати, спасибо за статью, Леша, – говорил Гоша.

– Я же деликатно, – сказал Добродеев. – Без живописных деталей. Я же понимаю.

Гоша щелкнул кнопкой. Вспыхнул свет. Они сгрудились на пороге.

– Вот здесь он лежал, – прошептал Гоша и потыкал пальцем в пол. – До сих пор, как вспомню, прямо волосы дыбом. Спать перестал, поверите? Головой к окну, в махровом халате, а на халате черные пятна. Вот здесь и здесь! – Он хлопал себя по груди.

– Можно войти? – спросил Монах.

– Только осторожно. Люба, можешь идти, я сам закрою. Никому, поняла?

Девушка молча исчезла.

– Что-нибудь уже известно о нем? – спросил Монах, обе-

гая взглядом комнату. Вид комнаты был зловещ и неряшлив: здесь не убрали с того самого дня, кровать не заправлена, на полу валялась одежда; штора была полузадернута, отчего в помещении царил неприятный полумрак. Монах подошел к окну, выглянул и увидел давешнего бомжа.

– Там у вас беспризорник, – сказал, поворачиваясь к Гоше.

– Где? – Гоша тоже выглянул. – Этот? Это не беспризорник, это Ларссон Андерс, живет у нас.

– Ларссон Андерс? – обрадовался Добродеев, отводя гардину. – Тот самый?

– Кто такой Ларссон Андерс? – разумеется, тотчас спросил Монах.

– Шведский миллионер, – сказал Гоша. – Доктор социологии. Строит собачий приют, защитник животных. Хороший, душевный человек, живет в люксе за триста евро в сутки. Вот только одевается как-то нестандартно, его все принимают за бомжа.

– У нас есть люкс за триста евро в сутки? – удивился Добродеев.

– Для шведа есть, – сказал Гоша. – К нему такие кадры ходят, ужас! Одна ведьма чего стоит.

– Ведьма? Настоящая?

– Самая настоящая, ветеринар по профессии. Зовут Саломея Филипповна Гурская, прямо переодетый мужик, рост под два метра. – Гоша поежился. – Как глянет, аж слабость

в ногах. – Он рассказывал с удовольствием, жестикулируя, закатывая глаза, так как вообще любил поговорить.

– Я с ней знаком, – заметил Монах. – Интересная личность³.

– У нее внук – президент клуба фэнтези «Руна», – заметил Добродеев.

– «Руна»? – переспросил Гоша. – Не слышал. И еще всякие активисты с приветом. Собираются у него в номере, если дождь, или на скамейке, если погода. Вон, сидит и ждет, пьет кофе из автомата.

– Кофе... – пробормотал Монах. – А я еще удивился, думал, показалось.

– Показалось? – не понял Добродеев.

– Он сказал: сенк ю!

– Тебе сказал? За что?

– За то, – загадочно ответил Монах. – Сказал и сказал. Гоша, вы не против, если мы тут немножко осмотримся? – обратился он к администратору.

– Только по-быстрому, ребята, а то, сами понимаете, вдруг приспичит кому из следаков...

– Кто ведет дело?

– Вроде Поярков... но это между нами, я вам ничего не говорил.

– Почему? Тайна следствия?

– От них лучше держаться подальше, – туманно пояснил

---

³ См. роман И. Бачинской «Тринадцать ведьм».

Гоша. – Ладно, я пошел. Вернусь через десять минут. Вы тут поаккуратнее. Хватит?

– Хватит. Спасибо, Гоша. Как его звали, говоришь?

– Дмитрий Ильич Суворец, из Зареченска, бизнесмен, вроде торгует медаппаратурой. И главное, женщина приличная на вид! Куда мы катимся, уму непостижимо! – Гоша осуждающе покачал головой. – Ладно, ребята, я побежал. – Он махнул рукой и исчез. Монах и Добродеев остались одни.

– Итак, – деловито начал Монах, – что нам уже известно? Он привел к себе женщину, ее видела обслуга. Раз. Она оставалась с ним около полутора часов, потом ушла... предположительно, так как ее видели в холле около двенадцати. Средних лет, в темном плаще, не из «этих», то есть вполне приличная. Это два.

– Почему предположительно?

– Я не особенно доверяю свидетелям, – признался Монах. – Ты и я опишем увиденный факт по-разному, Леша. Ты как лирик и фантазер, я как физик. И уверяю тебя, никаких точек соприкосновения у наших описаний не будет. В смысле даже Поярков не сможет идентифицировать преступника по нашим описаниям как одного и того персонажа. Например, я расскажу следствию, что женщина, с которой жертва провела последние часы жизни, была ростом метр пятьдесят, весила примерно восемьдесят кгэ, из себя рыжая, в сером плаще и на каблуках в четыре сантиметра. А ты... – Монах мельком взглянул на Добродеева, – ...а ты расскажешь, что

в ее лице было что-то демоническое, на голове шляпка с вуалью и пером, а из сумочки выглядывали большие ножницы... как-то так. Причем не забудешь про чулки со швом и одуряющий парфюм. И вот поэтому нам нужны вещдоки, Леша. Фильм, как я понимаю, изъяли, значит, нужна фотка жертвы.

– Зачем? Известны его имя и адрес...

– Интересно посмотреть, на всякий случай. Будем думать. Итак, подбивая бабки, что мы имеем на данный момент? Привел женщину, был жив-здоров, она ушла... кстати, он ее не проводил.

– Как он мог ее проводить, если был убит?

– Резонно. Теперь вопрос для людей с фантазией: зачем нормальная женщина носит в сумке большие ножницы?

– Чтобы защищаться от хулиганов.

– Резонно опять. Но почему ножницы, а не нож? Лично я бы на ее месте ходил с ножом. Кроме того, баллончики, говорят, эффективнее, тем более по вечерам женщины ходят с маленькой сумочкой. А у нее, видимо, была большая.

– Куда ты клонишь, Христофорыч?

– Куда я клоню... Похоже, она вышла на охоту, и убийство было неслучайным.

– Неслучайным? Ты хочешь сказать, что убийца носила ножницы в сумочке с целью кого-нибудь убить? – удивился Добродеев.

– Я готов рассмотреть твою версию, – сказал Монах, под-

нимая руки, словно сдавался. – Я либеральный демократ.

Журналист задумался.

– Кроме того, опять-таки возникает вопрос: зачем убивать ножницами? – продолжил Монах, не дождавшись ответа. – Какую роль тут играют ножницы? Какой в них месседж, извини за пошлость. Попросту – смысл. Зачем, Леша? Почему не нож?

– Возможно, они были знакомы раньше.

Монах приподнял бровь.

– Э-э-э... хорошо. Что-то их связывает, ты хочешь сказать, и это общее прошлое связано с ножницами. То есть она его выследила, сбегала домой за ножницами, познакомилась... возможно, он ее не узнал, привел к себе, а она его убила. Как тебе сюжетец?

– Ну-у-у... – протянул Добродеев. – Мечь?

Монах пожал плечами.

– Кроме того, еще один интересный моментец, Леша. Даже два. Женщина ушла через полтора часа... то есть они провели вместе полтора часа, и жертва во время убийства был... была в неглиже. Обрати также внимание на кровать – простыни смяты, подушка на полу. То есть после интимной близости женщина оделась, сказала: не надо меня провожать, ах, какие пустяки! Жертва не стала спорить, одеваться тоже не почесалась и осталась в халате, а у двери женщина вытащила из сумки ножницы... Ты представляешь себе, сколько силы нужно, чтобы ударить ножницами человека? Здорового

сильного мужика? И тут напрашивается следующий вопрос: зачем перед убийством с ним спать?

– Проблемы с головой? – предположил Добродеев. – Нимфоманка? Или он ее разочаровал?

Монах фыркнул.

– Возможно. Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет. Если бы все разочарованные женщины *таким* образом выражали недовольство, то, сам понимаешь...

Добродеев кивнул, что понимает, и вздохнул.

– Он проводил ее до двери, в халате, босой, возможно, предложил встретиться на другой день... И тут она раскрывает сумочку, вытаскивает ножницы и изо всей силы бьет его в грудь! Представляешь? Он и охнуть не успел, скорее всего. И кранты.

Монах цыкнул зубом. С минуту они молча смотрели друг на друга...

– Так, это, кажется, ванная.

Монах потянул за ручку двери. Стоя на пороге, они осмотрели маленькую ванную комнату. Голубая занавеска в душе, голубой коврик на полу, крем для бритья, несвежие полотенца...

– Вот так, живет человек, и нет человека... – вздохнул Добродеев. – На ровном месте.

– Не нужно знакомиться на улице, – назидательно сказал Монах.

– Он же командированный! Где еще знакомиться в чужом

городе?

– Прекрасный вопрос, Леша. Зришь в корень.

Дверь приотворилась, и в комнату просунулась голова Гоши:

– Вы как, ребята? Успели?

– Спасибо, Гоша, успели.

– У меня вопрос, Гоша, – сказал Монах. – Ты видел, как они вошли в гостиницу?

– Видел мельком, я уже говорил Леше.

– Помнишь, какая у нее была сумка?

Гоша задумался.

– Средняя, – он показал руками размеры. – Через плечо. Майор тоже спрашивал. А ножницы, говорит, поместятся? А я... черт его знает! Вроде поместятся. С большими кольцами, в смысле, одно большое, другое поменьше. Такие в ателье, у меня тетка работает закройщицей – вот у них такие.

– Понятно. А ее лица ты не рассмотрел случайно?

– Лица? Ну... лицо как лицо. Я не присматривался. Если бы молодая, я бы присмотрелся, а так... – Он махнул рукой. – А потом, она все время стояла то боком, то спиной.

– Стрижка или длинные волосы? Блондинка? Рыжая?

– Длинные... кажется. По плечам, каштановые. Я же говорю, она не подходила к стойке, ждала около лифта. Невысокая, не особенно молодая...

– Как он вел себя?

– Этот? – Гоша дернул плечом и задумался. – Улыбался,

все время оглядывался на нее. Схватил карточку, подбежал к ней... – Гоша вздохнул и покачал головой.

...В холле Монах купил в автомате бумажный стаканчик кофе.

– Ты пьешь эту дрянь? – удивился Добродеев. – Идем в кофейню, тут рядом.

– Я не себе, – загадочно ответил Монах.

На улице он подошел к скамейке, где все еще сидел шведский миллионер, и протянул ему стаканчик:

– Плиз!

Тот окинул Монаха внимательным взглядом, улыбнулся и взял. Теперь Монах рассмотрел шведа как следует. Приятное худощавое лицо, бесцветные волосы и карие глаза; лет сорока. Слегка поредевшая макушка. Одет... нестандартно, как выразился Гоша. Старые джинсы и линялая футболка; вьетнамки на босу ногу. Часы стоимостью с автомобиль среднего класса, Монах видел такие в телевизоре.

– Ты, друг, извини, – сказал Монах, присаживаясь рядом. – Глупо получилось.

– Ничего, – сказал швед. – Бывает. Спасибо. Хороший кофе. – Он привстал и протянул Монаху руку: – Ларссон Андерс. Очень приятно.

Он говорил чисто, с легким акцентом.

Монах тоже привстал.

– Олег Монахов. Мне тоже приятно. Это мой друг журналист Алексей Добродеев.

– Журналист? Репóртер? – оживился швед. – Нам надо журналистов. Мы боремся с собаками на улице. Ты из какой газеты?

Добродеев уселся с другой стороны и сказал:

– Я сотрудничаю со многими печатными изданиями.

– Я читал про убийство в газете «Вечерняя лошадь», – сказал Ларссон. – Это ты?

– Это я, – признался Добродеев.

– Это есть очень необыкновенно и странно убивать... с этими... – Он пошевелил пальцами. – С ножницами! Я не знал, что так возможно. Как говорится: век живи, век учись. Можешь написать про бедных собачек?

– В принципе могу, – сказал Добродеев. – В моем материале не было про ножницы.

– Тогда напиши! Про ножницы сказала горничная, очень хорошая девушка.

– Я подумаю, – сказал Добродеев. – Нам пора, рады были познакомиться.

– Можно телефончик? – сказал Ларссон. – Я позвоню.

Монах ухмыльнулся.

Добродеев продиктовал номер своего мобильного, и они откланялись.

– Придется написать про бедных собачек, – сказал Монах. – Ты пообещал.

– Иди к черту! Собак мне только не хватало для полного счастья. За что ты извинялся?

– Как любознательный и склонный к анализу член детективного клуба любителей пива, Лео, ты мог бы и сам догадаться. Подумай и...

– Ты бросил ему деньги в кофе! – расхохотался Добродеев. – Бросил?

– Бросил, а он сказал спасибо. Представляешь себя на его месте? Тебе какой-то жлоб бросает пятак в стаканчик с кофе, а ты ему говоришь... Вот мне по-человечески интересно, Леша, что бы ты сказал на его месте?

– Послал бы!

– И я послал бы. А Ларссон сказал спасибо – вот что значит европейское воспитание, Леша.

Глава 6

Разбор полетов

– Папочка, все прошло просто чудесно! – Лара обняла отца, поцеловала в щеку.

– Я не публичный человек, ты же знаешь, – сказал Сунгур, обнимая дочь. – Если бы Савелий не настоял... да и Коля Рыбченко.

– Они правы, папочка, читателя нужно любить.

– Ларочка, а этот парень, Ростислав... что он за человек?

– Нормальный человек, папочка. Хороший специалист, сказал, если что, пригоняй машину к нему. Очень полезное знакомство.

– Как я понимаю, не только полезное, так? Он тебе нравится?

– Нравится.

– Ты поосторожнее, девочка. Ты у меня такая ранимая...

– Папочка, ты же знаешь, я реалист и все про себя понимаю. Ранимая, книжное воспитание, восемнадцатый век... скучная, одним словом. Ты это имеешь в виду?

– Ты не скучная, ты умница и замечательный человек!

– Когда о женщине говорят, что она замечательный человек и умница, плохи ее дела. Я шучу, папочка! – воскликнула она, видя, что отец собирается возразить. – Мы с Ростиславом друзья, он мне нравится, что будет дальше... посмотр-

рим. Я пригласила его на ужин, ты не против?

– Когда?

– Сегодня. Он сказал, что ты ему очень понравился, он никогда еще не видел живого писателя. Ну я и сказала, приходи. Посидим, я накрою на стол. Скажешь маме?

– Она еще не знает?

– Я ее не видела. Если она сможет, конечно. Если не сможет, посидим сами, ладно? Юрка не придет до утра... зачем вы ему позволяете? Совсем от рук отбился.

– Мама считает, пусть перебесится. Не обращай внимания. О чем вы с ним говорите?

– Обо всем. Ростислав много читает, знает стихи, интересуется астрономией. У него даже подзорная труба есть и много книг о космосе. Я хочу попросить его выступить у нас в библиотеке...

– Как вы познакомились?

– Он налетел на меня на Пятницкой, чуть не сбил с ног. Я же говорила. Долго извинялся, пошел провожать, пригласил в кафе.

– Он не женат? – не выдержал Сунгур, испытывая ревность и страх за Лару, такую неприспособленную и витающую в облаках, украдкой рассматривая ее, смущенную, покрасневшую... и глазки сияют! Ростислав красив и самоуверен... зачем ему Лара? Это только в романах красивые и самоуверенные парни влюбляются в дурнушек, да еще и богатые, а в жизни... Правда, он не богач. Лара уже обожглась

однажды, не хотелось бы повторения.

– Говорит, что нет. Папочка, не беспокойся за меня, я уже большая девочка. Все будет хорошо. Можно мне еще кофе? Твой кофе просто фантастика!

* * *

– Анжелика, ты случайно не знаешь писателя по имени Кирилл Сунгур? – обратился Монах к жене друга детства Жорика Шумейко. У него, как мы уже знаем, была своя квартира, но он под разными предлогами затягивал переезд, хотя, если честно, семейство Шумейко его уже достало. Монаху часто не хватало сил для рывка... такой он был человек. Идет в гору, идет, вот уже и до вершины совсем ничего, и всех обогнал, и вдруг махнет рукой: да гори оно все синим пламенем! Неинтересно. Плюнет и уляжется на травке, а потом и вовсе съедет к подножию. Правда, у Шумейко не травка, а старый раздолбанный диван с выпирающими пружинами, которые Монах называет секс-точками. Он лежит между диванными секс-точками, созерцает трещины на потолке и думает. И всякие интересные мысли приходят в голову. Диван мягкий, на пружинах, и на нем можно покачиваться, как в гамаке. Сейчас такие диваны уже не производят, а жаль.

Анжелика в кресле вязала очередной свитер дикой расцветки, губы ее шевелились, считая петли, а еще она все время поглядывала на экран телевизора – там показывали сери-

ал про двух сестер, влюбленных в одного парня, причем одна из сестер – садистка, другая – вечная жертва... с розовыми соплями, как выразился Жорик. Опять ревет, говорит Жорик. Сто двадцать пятую серию подряд она ревет! Он сидел на диване перед журнальным столиком и складывал какой-то механизм, уже в третий раз, и всякий раз оставались лишние детали. Жорик долго их рассматривал, вздыхал и принимался разбирать содеянное; между делом он скептически комментировал происходящее на экране. Эта садюга опять задумала какую-то подлянку, говорил Жорик невнятно из-за винтиков, которые держал во рту. Ты только посмотри на ее довольную рожу! Не надоело, Анжелка? Не тошнит? У него получилось: «Посотри на юю вовольдую вожу».

– Ты бы помолчал, а то проглотишь, – сказала Анжелика. – И тогда точно не хватит. Как ты сказал, Олежка? Кирилл Сунгур? Конечно, знаю! Его все знают. Хороший писатель, но... – Она замялась.

– Но?.. – повторил Монах.

– Мужская проза, – важно сказала Анжелика. – Не для женщин.

– Ой, не могу! – отреагировал Жорик, роняя изо рта винтик.

– Это как? – спросил Монах.

– Ну, этот частный сыщик, Одинокий Волк – нормальный мужик, хороший, честный, но какой-то несчастный, у него по жизни все время невезуха. И вечно встречается в драки. Де-

рется, ломает челюсти, руки-ноги, весь избитый, в шрамах, то ранение, то контузия, весь перебинтованный, перестрелки... ужас! И с женщинами ему не везет, никакой романтики. Какие-то белые мыши всю дорогу.

– Может, серые? – уточнил Монах.

– Один фиг! – махнула рукой Анжелика.

– Наш программер вывесил у себя над столом постер, – хихикнул Жорик. – «Потерялась собака, хромая, без правого уха и хвоста, с диабетом, зовут Везунчик. Кто найдет, просьба позвонить», и телефон.

– Правда или прикол? – не поняла Анжелика.

– Хрен его знает! Он с вот такими тараканами! – Жорик развел руками. – Может, правда.

– А при чем тут Сунгур? – спросила Анжелика.

– Это насчет белых мышей, – сказал Жорик.

– А при чем тут...

– Включи мозги, Анжелка! Ты сказала, что у твоего частного сыщика не женщины, а белые мыши, ну я и вспомнил про собаку.

– А при чем собака к белым мышам? – спросила Анжелика. – Еще и с диабетом?

Жорик застонал.

– Кстати о собаках, – подал голос Монах, с интересом внимавший сюрреальному диалогу супругов. – Я познакомился сегодня с активистом по защите животных, шведским миллионером. Классный мужик! Строит собачий приют за горо-

дом. Зовут Ларссон Андерс. Леша Добродеев обещал написать про них статью.

– Старый? – спросила Анжелика.

– Лет сорока. И что интересно, похоже, не женат.

– Откуда ты знаешь?

– Одет странно. И кофе пьет из автомата.

– Я тоже одет странно, хотя женат, – сказал Жорик. – И чего? Вон Анжелка вяжет лиловый свитер, а спереди зеленые зигзаги, так что, я теперь тоже буду как шведский миллионер?

– А при чем тут Сунгур? – повторила Анжелика.

– Я был на встрече с писателем в книжном магазине, меня Леша привел. Писатель понравился. Кстати, купил тебе книжку, а Сунгур надписал.

– Ой, спасибо! – обрадовалась Анжелика. – Как называется?

– «Колокольный звон», из последних. Прочитаешь и расскажешь.

– Не знаю, не читал, – сказал Жорик. – Помнишь Леню Громова? Тоже писатель. Чего-то развелось их... куда ни плюнь, везде писатель. Леня... Где-то сейчас наш Леня?

– А его жену ты видел? – спросила Анжелика. – Алену Сунгур? Она журналистка. Ведет передачу, всякие интервью с бандюками, ну очень продвинутая женщина!

– Видел. Эффектная женщина. Дочь тоже видел, из себя никакая, но, видимо, умная, много читает. Не замужем.

– Откуда ты знаешь?

– Работает в библиотеке, читать ей по должности положено. Была с бойфрендом, значит, не замужем. У нас есть какие-нибудь его книжки? Просто по-человечески интересно про этого... как ты сказала? Одинокого Волка?

– Ага. Есть где-то, я поищу.

– Давай, поищи. – Монах закрыл глаза и поерзал, устраиваясь поудобнее. Пробормотал загадочно: – Небольшой талант нет смысла глубоко зарывать...

Глава 7

К истории жанра...

*Бывают гениальные, но нечитаемые писатели.
Гениальных, но нечитаемых журналистов не
существует.
Парадокс читабельности Солдаткина*

– Как, по-твоему, Леша, когда в истории человечества появился первый детективный роман? – обратился Монах к своему другу, журналисту Леше Добродееву.

Друзья уютно расположились за столиком бара «Тутси», который, как читателю уже известно, был явочной квартирой Детективного клуба толстых и красивых любителей пива. Распираемый любопытством Митрич, похожий на снулую рыбу, медленно плавающую в баре среди разноцветных бутылок, поглядывал на друзей, прикидывая, можно ли подойти и узнать последние криминальные новости, но не решился, видя их озабоченные лица, – пусть поговорят, потом...

– История Каина и Авеля, – не задумываясь, сказал Добродеев. – Вызванный на допрос, Каин сказал, что понятия не имеет, где брат, и вообще, он ему не сторож. Потом было много всего, но это начало.

– Согласен. А в художественной литературе?

Добродеев задумался.

– «Отелло»? «Макбет»?

– Это трагедии, Леша. Согласен, там есть детективный элемент, но это не детектив в общепринятом значении – сыщик, сыск, тайна.

– Шерлок Холмс?

– Это было потом. Самый первый детектив, к твоему сведению, – рассказ Эдгара По «Убийство на улице Морг», опубликованный в одна тысяча восемьсот сорок первом году. Хотя ряд спецов считает, что первым был роман некоего Чарльза Филикса «Тайна Ноттинг Хилла»; кто-то называет «Дело вдовы Леруж» Эмиля Габорио, а то еще «Лунный камень» Коллинза – все три вышли в шестидесятых. То есть почти двадцать с гаком лет детективная ниша пустовала, а если и были попытки написать детективный роман, то успехом они не увенчались и никто о них уже не помнит. А через двадцать лет вдруг лавина! И с тех пор пошло-поехало, по нарастающей. Любимый жанр, причем как интеллей, так и широкой общественности.

– Я считаю, лидирует «Убийство на улице Морг», – сказал Добродеев. – Страшноватый рассказ, помню, читал еще мальчишкой, ночью, под одеялом с фонариком... аж волосы дыбом и спина мокрая! Габорио читал когда-то, «Лунный камень» все читали. Классика. Ну еще... в широком смысле Диккенс.

– Согласен. Представляешь, Леша, в одном ряду По, Кол-

линз, Честертон, Ленья Громов, Сунгур и многие другие.

Добродеев фыркнул:

– Да уж!

– Интересен также образ сыщика, – заметил Монах, которому после пива хотелось болтать. – От мыслителя с серыми клеточками до агрессора, который доходит до истины, набивая шишки, и общее у всех – охотничий инстинкт и страсть совать нос в разные дырки. Причем есть стандартный набор красок и кисточек для создания образа. Сыщик-мыслитель-джентльмен в очках, в смокинге, с ученой степенью какого-нибудь Йеля или Гарварда, с одной стороны, и брутальный самец в потертых джинсах и старой футболке, выскакивающий из засады и бьющий морду плохому парню, – с другой. Между этими двумя всякие гениальные чудачки в разных носках с мозгами наперекосяк, гламурные шпионы вроде агента номер 007 и клоуны типа инспектора Клузо. А то есть еще детективы-дамы... ну, это особая статья, сейчас не об этом. Возвращаясь к нашим баранам, Леша, определяем место в табели о рангах для героя нашего писателя. Одинокий Волк – простой хороший парень в потертых джинсах, защитник слабых, бьющий морду и получающий в морду. Кстати, я начал читать его роман «Всевидящее око», про буккиниста-шантажиста, безобидного старичка-паучка. Неплохо, правда, немного занудно и для мужской прозы, я бы сказал, пресновато. Анжелика считает, что у Сунгура мужская проза.

– Лично мне нравится. Ему бы только добавить красок в героинь, – заметил Добродеев.

– У тебя, Леша, одни амуры на уме, – попенял Монах. – Писатель пишет своих героев с окружающих, сам знаешь. Если покопаться в героях, найдешь и его самого, и его друзей, а все главные героини – это Лара, которую он считает жертвой, тем самым признавая, что она неинтересная, некрасивая и невезучая. Или, наоборот, его супруга... в смысле, стерва.

– Не замечал, – сказал Добродеев. – Знаю их давно, Лару тоже... Алена, конечно, другая, но я хочу сказать, что...

– И я о том же! – перебил Монах. – Не замечал, потому что она незаметная. А ее бойфренд... не хочу каркать, но парня, скорее всего, интересуется знакомство с писателем. Есть персонажи, которым нравится тереться около известных людей... ну, там, прихвастнуть знакомством, взять автограф, выпить на брудершафт, потусоваться у них дома.

– Она славная и милая девушка, и я не понимаю, почему у нее не может быть такого друга...

– Конечно, милая, не спорю. Но... – Монах махнул рукой. – Ладно, Леша, проехали. Мой принцип – о женщинах как о покойниках: или хорошо, или ничего. Кстати, ты про собак еще не написал?

– Пока нет. Швед звонит, спрашивает...

– Не тяни, ты личность в городе известная, ты набат. Ты никогда не задумывался о том, какой мощный воспитатель-

ный момент присутствует в твоих статьях?

– Как-то ты, Христофорыч, сгущаешь, – словно бы засмутился Добродеев.

– Нисколько! Например, когда ты написал про пещеры под городом, где спрятан клад, и в них еще после этого заблудился какой-то недоделанный спелеолог-любитель, весь город, как один, бросился на поиски клада. Или про летающие тарелки... все вдруг поверили в чудо. (Не знающему удержу перу Добродеева принадлежал резонансный материал о девушке, зачавшей от пришельца, о чем долго еще судачили в городе.) Да мало ли! Среди нашей набившей оскомину рутины вдруг расцветает волшебный цветок чуда. И это все ты, Леша, это все продукт твоего воображения. – Монах постучал себя костяшками пальцев по лбу. – Тебя читают, тебя рвут из рук, тебе верят. Не всякого писателя поставишь рядом. Так что придется писать про собачек, тема серьезная. А когда мы закончим дело убийцы с ножницами, ты напишешь о нем роман. Хватит пробавляться статейками в «Лошади», ты вырос из коротких штанишек, Леша, я в тебя верю.

– Да ладно тебе, – вроде бы снова смутился Добродеев. – Про собак я напишу, швед уже задолбал, звонит и звонит... времени ему не жалко! Про убийцу с ножницами... даже не знаю. Ее еще найти надо.

– Вычислим и найдем, я в нас верю, и не надо нездорового скептицизма. Сейчас я тебе кое-что покажу и докажу. – Монах достал из кожаной папки увесистую книгу; Доброде-

ев вытянул шею, пытаюсь рассмотреть название. – Сейчас мы устроим *сортес Библикае*⁴, Леша. По ножницам.

– Чего устроим? – не понял Добродеев.

– «Сортес библикае», да будет тебе известно, в переводе с латыни значит «Библейский суд». В средние века, когда народ был наивный и доверчивый, существовал интересный судебный обычай: брался произвольный отрывок из Библии, истолковывался должным образом каким-нибудь высоким церковным лицом, и вершился суд. В результате обвиняемого отпускали на волю или сажали на кол. У нас не Библия, поэтому наш суд всего-навсего «книжный», но трудности все те же – правильно истолковать, и тут мнения могут расходиться. Но не будем забегать наперед. Итак, берем книгу, желательно классику. – Он показал Добродееву книгу – это был второй том сказок Андерсена; Добродеев глазам своим не поверил. – Вот тебе карандаш, – Монах протянул Добродееву карандаш. – Закрой глаза и ткни карандашом. Посмотрим, что получится.

– Ты серьезно? – спросил обалдевший Добродеев. – Я помню, сто лет назад девочки из класса так гадали на любовь. Это ты как волхв?

– Ну! Я все делаю, как волхв. Я живу как волхв. Закрывай

---

⁴ *Sortes Biblicae* (лат.) – Сортес библикае, в пер. – Библейский суд. Прием, используемый для церковного суда в Средневековье. Заключался в «слепом» выборе и последующем толковании текста из Библии. Дифтонг *AE* по правилам грамматики произносится как «э», но в классической и церковной латыни произносится раздельно.

глаза, Лео, поехали!

Добродеев закрыл глаза, спрашивая себя, какого черта он пляшет под дудку Монаха, подозревая, что тот тренирует на нем свое нестандартное чувство юмора.

– Давай! – скомандовал Монах; он раскрыл книгу и подтолкнул к Добродееву. – Ткнул!

– А кто будет толковать? – запоздало спросил Добродеев.

– Обсудим и придем к консенсусу. Раз, два, три! Пошел!

Добродеев ткнул карандашом и открыл глаза.

– Отлично, Леша. – Монах потянул книгу к себе. – Читаем. *«Блуждающие огоньки в городе! – ответил сказочник, – прочитал Монах с выражением. – Слышать-то я слышал, но что же мне, по-вашему, делать? Меня забросают грязью, если я скажу людям: «Берегитесь, вон идет блуждающий огонек в почетном мундире!» – Они ходят и в юбках, – сказала болотница. – Блуждающие огоньки могут принимать на себя всякие личины и являться во всех местах»*. – Он закончил читать и поднял глаза на Добродеева.

– Это Андерсен? – удивился журналист. – Не припоминаю! Что такое «болотница»?

– Он самый. Сказка «Блуждающие огоньки в городе», страница триста пятнадцать. Болотница? Наверное, болотная нечисть, кикимора. История про сказочника, который искал сказку, а болотница рассказала ему о блуждающих огоньках, которые похлеще любой сказки.

– И что это значит? – спросил Добродеев, недоверчиво

присматриваясь к Монаху.

– Напряги фантазию, Леша, свяжи это с нашей убийцей и скажи первое, что придет тебе в голову. Ты человек творческий, не раздумывай, а просто скажи. Выпали.

– Ну... если принять преступницу... иносказательно за блуждающий огонек, то она... – Добродеев запнулся. Монах смотрел с любопытством. – ...то она маскируется, рассеяна по всему городу, неуловима, неузнаваема, проявляется по ночам... как-то так.

– Блестяще, Леша! И еще одно, самое главное!

– Что?

– Она будет блуждать, в смысле, преступница, пока мы ее не остановим, причем принимать разные личины, то в юбке, то в мундире.

– В мундире?

– Образно. В смысле, маскировка. В смысле, не бросается в глаза, незаметна. Блуждающий огонь... А вот интересно... Планшет есть? А ну загляни. То есть я себе примерно представляю, как физик – болото, гниение органики, наличие фосфора... Нашел? Читай, что говорят в народе.

– Сейчас. Ага, вот. *«Блуждающие, болотные, бесовские огни – редкие природные явления... по ночам на болотах и кладбищах, – скороговоркой зачастил Добродеев. – Непонятное... таинственное... суеверия, ужас... Враждебны, несут погибель, заманивают в топь... на высоте приподнятой руки, шарообразной формы или как пламя свечи, за что*

их называют «свеча покойника». Цвет белый, голубоватый или зеленоватый... дыма нет». – Он поднял глаза на Монаха.

– Жуткое зрелище, Леша, – сказал тот, покачав головой. – Жутчайшее! Ты идешь себе спокойно по кладбищу, расслабился, думаешь о приятном, ночь, тишина, луна, ни ветерка, возможно, где-то воет собака или волк-оборотень, и вдруг прямо на тебя летит зеленый бесовский огонь... прямо в лицо! И ни звука! Тишина гробовая. Представляешь? Запросто можно свихнуться. Ты стоишь как вкопанный, не можешь пошевелиться, не можешь увернуться, чувствуешь, что превратился в столб, волосы дыбом, и острым молоточком по темечку: «*Свеча покойника, свеча покойника, свеча покойника!*» И понимание, что все! Хана! И вся жизнь перед глазами огненным колесом...

– Не надо шляться по кладбищу ночью, – перебил Добродеев. – Дальше что?

– Дальше... И что самое главное, Леша, *не-от-вра-ти-мо*. Понял? В разных личинах и неотвратимо. Вот что есть паршиво. – Монах скорбно поджал губы. – Это не конец, Леша, эта кладбищенская свечка ударит еще раз, она уже занесла руку для удара, и понимают это только двое во всем городе...

Они помолчали. Добродеев считал выкладки Монаха припаянными за уши, так как он, хоть и писал о неопознанных летающих объектах, был по жизни скорее реалистом, чем фантазером, правда, его часто заносило. Но, с другой сторо-

ны, Монах нередко удивлял его своими дурацкими ассоциациями и прозрениями... оракул, извините за выражение! И что самое удивительное – как правило, попадал в точку. Так что черт его знает. *В юбке или в мундире неотвратимая свеча покойника...* И что бы это значило? Добродеев поежился, почувствовав, как неприятный мистический холодок пробежал у него между лопатками, и мыслишка мелькнула: пусть Мельник и Поярков сами разбираются с этой свечкой, а он, Добродеев, займется... э-э-э... да хоть уличными собаками! Именно, собаками. И сразу же ему показалось, что окружающий мир потускнел и растерял половину своих красок. Свеча покойника растаяла, и перед мысленным взором Добродеева появилась свора уличных собак. И ушла тайна...

– Ладно, не будем бежать впереди телеги, – сказал Монах и огладил бороду. – Кроме того, еще не вечер, не грусти, Леша. Фотографию жертвы достал?

– Достал, – встрепнулся Добродеев. – В наше время технологии решают все. У него есть собственный сайт. Вот! – Добродеев вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный листок бумаги.

Некоторое время Монах с любопытством рассматривал фотографию предпринимателя Суровца. Потом сказал:

– Ад рем, Леша. Теперь за дело. Но... есть некий деликатный нюанс. Нюансик. – Он поднял указательный палец. – Надо подумать еще раз и, пока не поздно, соскочить. Дело дурно пахнет, и неизвестно, что на выходе. Может, ну его на

фиг? Спокойная жизнь дороже. – Он смотрел на Добродеева взглядом старшего товарища – добрым пронизательным и печальным.

«Чертов провокатор!» – подумал Добродеев и сказал твердо:

– Нет, Христофорыч, мы идем до конца. Кто, как не мы? – Он хотел добавить: «Ну а собаки потом», но удержался – не до собак!

Монах кивнул удовлетворенно и потянулся за кружкой.

Глава 8

Начало

*Посмотрите: это дом –
С крышей, дверью и окном,
И с крылечком, и с трубой,
Цвет у дома – голубой.
Заходите смело в дом!
– Приглашаете? Войдем!*

Николай Голь

Они хорошо сидели в тот вечер – Сунгур, Лара и Ростислав, который оказался интересным собеседником, много читал, знал все фильмы культовых режиссеров... одним словом, ему было что сказать; держался скромно, не перебивал, не употреблял сленга. Кроме того, чувствовались в нем некая скованность и некий трепет перед великим писателем, и это щекотало самолюбие Сунгура. Оба напоминали снисходительного учителя и почтительного ученика.

– Ростик тоже пишет, – похвасталась Лара.

– Громко сказано, так, от нечего делать, – улыбнулся парень.

– Папа, ты должен почитать, – сказала Лара. – Ростик стесняется показать... даже мне не хочет, говорит, сыро.

«Не хочет и не надо», – подумал Сунгур и сказал:

– Конечно, почту за честь. Приносите, Ростислав.

– Спасибо, – обрадовался парень. – Я не решался попросить.

Лара сияла, переводя взгляд с отца на Ростислава. Он время от времени брал ее руку, она вспыхивала, а Сунгура, подозрительного в силу профессии и жизненного опыта, а также возрастного пессимизма, не оставляло чувство некоторой натужности застолья, хотя, в чем она заключается, он сказать затруднялся. А может, в нем говорила банальная ревность. Парень был стоящий – воспитанный, красивый, хорошо устроенный, да еще и пишущий... Сунгур сравнивал его с Юрием и неприметно вздыхал, искренне считая сына неудачником. Он уже прикидывал, а не сделать ли Ростислава героем следующего романа... вот только кем – жертвой или преступником? Он ухмыльнулся и подумал, что стал рассматривать всех окружающих в качестве потенциальных персонажей.

Они пили красное вино, разговаривали, и Сунгур в какой-то момент почувствовал, что его отпустило – исчезла подозрительность и напряженность, он стал охотно шутить и смеяться. Лара меняла тарелки, иногда они сталкивались взглядом, и она улыбалась. Он давно не видел ее такой оживленной и невольно почувствовал благодарность к этому парню.

А потом пришла Алена и все испортила. Она влетела как метеор, шумная, яркая, оживленная; расхохоталась при виде Ростислава:

– Какие люди! А мне никто ни словечка! Ну, семейка! Представляете, Ростик, с кем живу!

Она наклонилась и звонко поцеловала парня в щеку. Тот вспыхнул. Лара смотрела в тарелку, и Сунгура кольнула жалость к ней и досада... черт, так хорошо было! Принесла нелегкая... Дальше было предсказуемо, дальше был театр одной актрисы. Алена откровенно кокетничала, много смеялась, рассказывала о своей новой программе, бурно жестикулировала. Лара молчала, Сунгур изредка ронял слово-другое. Ростислав старательно избегал смотреть на Алenu... Слишком старательно, как показалось Сунгуру. Впрочем, никто из них ни на кого не смотрел, в гостиной повисло тяжелое облако неловкости и недосказанности. Он разливал вино, Алена лихо чокалась со всеми и хохотала. Лара лишь пригубливала, мрачней. Ростислав больше не брал ее за руку, отметил Сунгур. Ему хотелось прижать к себе Лару и сказать:

– Глупенькая, не обращай внимания! Ты же ее знаешь, она при любом мужике... вибрирует, забей!

Их трио разваливалось на глазах, они были уже разобщены. Хмурая Лара, смущенный Ростислав, раздосадованный Сунгур. И только Алена ничего не замечала... а может, привыкшая царить и царствовать, лишь делала вид, что не замечает, а на самом деле их молчание и неприятие лишь добавляли ей драйва. Но, как бы ни был Сунгур раздосадован, он не мог не признать: хороша! Что там хороша... ослепи-

тельна! Это понимали и Ростислав, и Лара. Дочке нечего было противопоставить этой... этой... тигрице! И это они тоже понимали.

Когда ситуация достигла точки замерзания, Ростислав поднялся и стал благодарить за прекрасный вечер. Алена, пьяноватая уже, схватила его за руку и закричала:

– Не пущу! Детское время!

– Нужно выспаться, – сказал Ростислав, – мой рабочий день начинается в шесть утра.

Они ушли вместе; Сунгур и Алена остались вдвоем.

– Что, не ждали? – вызывающе спросила Алена. – А я взяла и пришла. На что вы вообще рассчитываете? Красивый неглупый парень и наша золушка! – Она ухмыльнулась. – Ты действительно думаешь, что между ними может что-то быть? Не смей меня, Кирка!

– Лучше бы ты не приходила, – сказал Сунгур.

– Я и не собиралась, так получилось. И главное, мне ни словечка! Конспираторы хреновы!

– Нужно чаще бывать дома, тогда будешь в курсе.

– Ага, конечно! Юрки еще нет?

– Кажется, нет.

– Совсем пацан от рук отбился! Тебя как отца это, похоже, мало трогает.

– С чего вдруг это стало трогать тебя? – парировал Сунгур.

– Кирка, не начинай. Ты на глазах превращаешься в старо-

го зануду. Давай выпьем за Ларку! – Она подставила бокал, и Сунгур налил ей вина. – Засиделась в девках наша Ларка, я в ее годы... помнишь? – Алена расхохоталась. – Дура! Хоть бы в зеркало иногда смотрелась.

Они слышали, как хлопнула входная дверь. Спустя минуту снова хлопнула дверь, уже тише – Лара, не заходя в гостиную, ушла к себе.

– Зачем ты так, – уронил Сунгур. – Тебе ее совсем не жалко?

– Жалость развращает, пусть закаляется. У нее есть все – образование, дом, родители не последние люди. Ну почему она такая серая? Какого черта, а?

Сунгур когда-то многое отдал бы, чтобы узнать, кто был отцом Лары и что там у них произошло, но оба старательно избегали этой темы. Когда-то он попытался, но Алена твердо сказала «нет!». Иногда он думал, что Алена мстит дочери за тот неудачный роман...

– Устала, – сказала Алена, зевая. – Пойду. Ты еще посидишь?

– Нужно убрать со стола. – Сунгур сложил в свои слова весь сарказм, на какой был способен.

– Спокойной ночи! – Она легко коснулась губами его лба, и он ощутил запах ее кожи и волос...

– С чего начнем? – деловито спросил Добродеев.

– Список составил? Давай определимся. – Монах взял листок, протянутый Добродеевым. – Что тут у нас... Ночной бар «Монмартр», кафе-бар «Старый город», бары «Братислава» и «Золотое руно», это те, что поблизости от гостиницы. Ясно. Вот с них и начнем.

– Я уверен, Мельник и Поярков вывернули их наизнанку, – заметил Добродеев.

– Если бы они нашли женщину, ты знал бы о задержании, Леша. А раз ты ничего не знаешь, то они никого не нашли.

– Если они никого не нашли, значит, ее в этих барах не видели, – сказал Добродеев.

– А вот тут я с тобой в корне не согласен. Ее могли видеть, но сказать не пожелали, а поскольку мы с тобой не Мельник и Поярков, то нам скажут. Сравнил! Какие-то никому не известные Мельник и Поярков и культовый борзописец Добродеев! Свидетель дает те или иные показания в зависимости от того, кто спрашивает, мы это обсуждали неоднократно. Спросили Мельник и Поярков – получили один результат... помнишь, как твой друг администратор Гоша сказал, что не хочет с ними связываться? То-то и оно, с ними никто не хочет связываться. Теперь спросим мы. Вернее, спросишь ты. Покажешь фотку Суровца и спросишь, с кем его видели. А

я, как опытный *физиогномист*, знакомый с языком мимики и жестов, понаблюдаю за выражением морды лица и жестами свидетеля и в случае чего просеку дезу, понял? После чего возьмем свидетеля за жабры и... Ты известная публичная фигура, Леша, тебе скажут. Начнем с «Монмартра»... красивое название, как тоска по несбывшемуся.

И они отправились в ночной бар «Монмартр». Ностальгический старый шансон, Дассен, Легран, Азнавур, полумрак, искрящийся разноцветным стеклом бар...

Монах уселся на табурете поодаль, Добродеев наклонился к бармену и вытащил из папки распечатку с фотографией. Молодой толстый парень в очках, похожий на ученого-физика, в белой рубашке и бабочке, взглянул и покачал головой. Добродеев, похоже, настаивал. Монах сверлил взглядом бармена. Тот взял листок в руки, присмотрелся и снова покачал головой. Монах не заметил ничего подозрительного и кивнул Добродееву. Похоже, Суровца здесь не видели. Добродеев спросил, кто работал в... Он назвал вечер убийства. Парень наморщил лоб и сказал, что в тот вечер была его смена. Он даже не поинтересовался, кто изображен на фотографии, и его равнодушие свидетельствовало в его пользу – он действительно не видел Суровца.

Они выпили по рюмке коньяку и отправились в следующий по списку бар. Это был «Старый город». Сцена повторилась: Добродеев вызывал огонь на себя, Монах в засаде наблюдал. С тем же результатом. Плюс пара рюмок коньяку.

«Золотое руно» – облом. Очередное поражение запили коньяком.

– Может, он снял ее на улице, – сказал Добродеев. – Может, они встретились в ресторане.

– Они познакомились в баре, Леша, – твердо сказал Монах. – В ресторан так поздно не ходят, дело было в баре, у меня нюх. Причем поблизости.

– Сказки Андерсена с собой? – фыркнул Добродеев. – Мне показалось, я видел в углу болотницу, она пила пиво.

– Очень смешно, – сказал Монах. – Ха-ха. Мы сейчас ловим широким тралом, а потому все в строчку...

– Чего? – не понял Добродеев. – Чем-чем?

– Загребаем широко, понимаешь? Нам нужен маленький намек, понимаешь? Тень! Нам нужна... эта... тень! Пинок в пятую точку в нужном направлении, и мы оседлаем волну, понял, Лео? У меня чувство... э-э-э... понимаешь? Потому и гребем все подряд, понял? И как только... он появится, мы хватаем его за хвост, понял? Что там дальше по списку?

Добродеев уловил общий смысл сказанного, или ему казалось, что уловил. Он не стал уточнять и только сказал:

– «Братислава». Бар «Братислава».

– Бар «Братислава»? – удивился Монах. – Оч-ч-чень хорошо! Идем в «Братиславу». А чего это у них все подряд называется «Братислава»? И гостиница, и бар? Фантазии не хватило? Ладно, не наше дело. – Он махнул рукой. – Запомни, Лео, самое темное место всегда под светильником.

– Сказал кто?

– Омар Хайям. Восточная мудрость. Вперед, журналист! –

И Монах потопал в сияющий неоном бар «Братислава».

К приятному удивлению Добродеева, здешний бармен оказался его добрым знакомым, и звали его Эрик Гунн. Монах, стараясь держаться прямо, индифферентно устроился в конце стойки и, маскируясь под обычного посетителя, заказал коньяк. Краем глаза он следил за Добродеевым и тощим барменом, похожим на молодую щучку. Журналист протянул Эрику листок, тот взял, и тут Монах сделал стойку! Нюх подсказал ему, что Суровца тут знают. Было видно, что Эрик колеблется, не зная, сказать ли – ему страх как не хотелось вступать неизвестно куда.

– Эрик, ты меня знаешь, – гудел Добродеев, наклоняясь над стойкой. – У меня готов отличный материал, нужны кое-какие живописные детали, но, честное слово, никаких имен, я же не дурак, понимаю. Ты его видел?

– Майор-оперативник приходил, спрашивал, – неопределенно сказал Эрик и повел взглядом по полупустому залу. – Значит, это его в гостинице... – Он кивнул на фотографию.

Добродеев кивнул и тоже оглянулся.

– Он был здесь, – сдался Эрик. – В тот самый вечер, я его запомнил. Зовут Дима.

– С кем он был?

– Один. – Эрик посмотрел на потолок, он разрывался между желанием выложить информацию и осторожностью.

Монах уже собирался подключиться к процессу, но тут Эрик решил и сказал: – Сначала...

– А потом? – тут же спросил Добродеев.

– А потом он ушел.

– С кем?

– С женщиной.

«Бинго!» – подумал Монах и одним глотком опрокинул рюмку.

– Что за женщина? – спросил Добродеев.

– Бывает тут иногда... не очень молодая, хорошо одетая, в ушах бриллианты. Он к ней подкатился... я еще думал вызвать охрану – он уже был теплый, да и рылом не вышел, но она была не против. Вот и пойми их после этого.

– Они ушли вместе?

– Вместе. Но это пустой номер, Леша, она не могла его убить, не тот контингент. Можешь мне поверить, у меня глаз-алмаз.

– Как ее зовут?

– Понятия не имею. Говорю же, приходит иногда, сидит, пьет коньяк, думает.

– С тех пор была?

– Не видел, вроде нет. А как его?..

– Ножницами, – прошептал Добродеев.

– Чем? – поразился Эрик. – Ножницами? Большими?

– Средними, а что?

– Это не она!

– Почему?

– Ну как тебе... не похоже! Да и зачем? И сумочка небольшая...

– Эрик, дай мне знать, если она появится, лады?

Монах все-таки вмешался. Он сполз с табурета, не забыв прихватить свою пустую рюмку, подошел и сказал:

– Привет, Эрик! У меня тоже вопросик. Как она добиралась домой, не помнишь? Пешком или на такси? Можно повторить? – Он кивнул на рюмку.

– Мой друг-экстрасенс, – представил его Добродеев. – Олег Монахов. Работаем вместе.

– Я точно не знаю... – Эрик отвел глаза. Монах подтолкнул Добродеева локтем.

– Эрик! – воззвал Добродеев.

– Ее Вова возит, таксист.

– Фамилия? – строго спросил Добродеев.

– Лучкин.

– Понятно. Вова Лучкин. Спасибо, Эрик.

– А тебе это точно для статьи надо?

– Понимаешь, Эрик, – задушевно сказал Монах, – не совсем для статьи. Я так и знал, что у тебя нюх. Нас попросили... только это между нами, лады? Нас попросили найти убийцу. Попросили серьезные люди, потому что у нас репутация. Я – экстрасенс и... э-э-э... психолог. Алексей... – Монах повел рукой в сторону Добродеева, – ...ты его знаешь как журналиста, но он еще и член эзотерического Детектив-

ного клуба, мы оба члены... но имей в виду, это не для прессы, – он погрозил Эрику пальцем. – Это не первое наше дело. Мы не... это самое... светимся, но серьезные люди знают, где нас найти. Стоит мне посмотреть на человека, как я сразу просекаю, в смысле, вижу... – Монах запнулся. – И ты сейчас будешь моими глазами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.